ДЕЛО №1979

СМОЛИН ПАВЕЛ

ТОМ 2

Павел Смолин

Дело #1979. Том 2

«Автор»
2026

Смолин П.

Дело #1979. Том 2 / П. Смолин — «Автор», 2026

Я умер в пятницу на МКАДе, а проснулся в сентябре 1979 года - в теле двадцатитрёхлетнего лейтенанта милиции в провинциальном Краснозаводске. У меня теперь чужая память, восемь метров в коммуналке, новая форма и работа в угро горотдела. Но голова - своя. С двенадцатью годами оперативного опыта в Москве двухтысячных. Чтобы докопаться до правды, придётся работать по советским правилам: без баз данных, без экспертиз и без права ошибиться. Потому что здесь даже «маленькое дело» - это дело, за которым стоит живой человек.

© Смолин П., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 16
Глава 3 27
Глава 4 37
Глава 5 48
Конец ознакомительного фрагмента. 49

Павел Смолин
Дело #1979. Том 2

Глава 1

Утро понедельника началось с тишины.

Я проснулся раньше будильника - в шесть двадцать. В коммуналке было тихо так, как бывает только зимой, когда снег за окном поглощает все звуки. Я лежал минуту, слушал эту тишину. Потом встал, подошёл к окну.

Снег.

Настоящий, зимний. Он шёл всю ночь и сейчас ещё шёл - мелкий, ровный, без ветра. Двор был засыпан - скамейка, козырьки подъездов, голые ветки тополей. Первый утренний прохожий - женщина с сумкой - оставляла за собой цепочку следов. Остальное было белым и нетронутым.

Я стоял и смотрел. Думал: вот и зима.

Вчера был конверт. Вырезка 1975 года - маленькая заметка о несчастном случае на московском заводе. Воронов А.М., молодой рабочий. Мой паспорт, мои документы - его имя. Его тело.

Я принял это вчера - как принимают важную информацию. Без паники. Просто - теперь знаю. Кто прислал, я догадывался. Что он хотел этим сказать - пока неясно. Но если Зимин решил дать мне знать, что знает, - значит, и дальше будет давать знаки. Игра продолжается. Просто теперь я понимаю правила чуть лучше.

Тетрадь с вырезкой - под матрасом. Я проверил рукой, не глядя. На месте.

Оделся. На кухне Нина Васильевна уже была. Сидела за столом с кружкой чая и тонкой книгой. Посмотрела на меня, когда я вошёл.

- Снег видел?

- Видел.

- Ночью пошёл. Я слышала через окно - такая тишина стала, сразу понятно.

Я налил чай. Хлеб, масло. Простой завтрак - привычный уже.

- Будете выходить сегодня?

- Нет. В доме всё есть. Зачем.

Я ел. Она читала. За окном продолжал идти снег.

- Примета есть, - сказала она, не поднимая глаз от книги. - Первый снег лежит - будет ранняя весна.

- Хорошая примета?

- Никакая. Просто примета.

Она перевернула страницу.

Я доел. Оделся в коридоре - зимнее пальто, шапка, сапоги. Сапоги у меня теперь нормальные - через Митрича, через Семёныча на рынке, две недели назад. Хорошие сапоги, на всю зиму.

На улице было морозно - не сильно, но после ноябрьской слякоти ощутимо. Минус семь, может быть. Снег под ногами скрипел. Я шёл и думал, что вот - первая зима здесь. Моя первая зима в этом городе.

В горотделе в семь пятнадцать было пусто - только дежурный у входа.

- Воронов, рано ты.

- Тихо было дома. Решил прийти.

- Нечаев в восемь. Пока посиди.

Я поднялся в кабинет. Горелова ещё не было. Петрухин тоже - он у нас поздняя птица, всегда впритык к планёрке.

Я сел за свой стол, включил лампу. На столе лежала пачка неразобранных бумаг - рутина за прошлую неделю. Начал разбирать. Методично, без спешки.

За окном серело. Снег прекращался - к планёрке, видимо, разойдётся.

В семь пятьдесят пришёл Горелов. Посмотрел на меня.

- Снег? - спросил он.

- Снег.

- Хорошо. Я люблю, когда зима по-настоящему. В слякоть работать тяжело - вся грязь ходит по городу.

Он снял пальто, повесил. Сел за свой стол. Налил чаю из общего чайника.

- Как Аня, дети?

- Нормально. Мишка заболел вчера - горло. Аня думает, завтра не пустит в школу.

- Ничего серьёзного?

- Нет. Нам бы так, - усмехнулся он. - Тридцать семь и пять - повод не идти.

Я улыбнулся.

Нечаев на планёрке был в форме - необычно для понедельника, обычно он ходил в штатском. Значит, что-то официальное ожидается.

- Подняли зарплаты участковым, - сказал он между делами. - Письмо из управления. На двенадцать рублей в среднем.

Петрухин хмыкнул.

- А нам?

- А нам - в следующем году, - сказал Нечаев. - Когда покажем результат.

Дальше пошли дела. Мне - два: кража из магазина на Кировой, четвёртый раз за квартал, и заявление о пропавшем с Заречной.

- Из барака? - спросил я.

- Из барака. Жена Наумова пришла вчера вечером. Муж не вернулся с работы в пятницу. Три дня нет.

- Пьёт?

- Пьёт. Но раньше возвращался всегда.

- Посмотрю.

- Иди, проверь. Горелов, у тебя своё - разберись с драки в общаге швейной. И с рынком - там опять жалуются на цыган.

Планёрка закончилась. Я взял дело Наумова - тонкая папка, заявление жены, больше ничего, - и пошёл на Заречную.

Барак номер четырнадцать оказался длинным одноэтажным строением - деревянным, с покатой крышей, с десятком дверей вдоль фасада. Из труб шёл дым. Перед каждой дверью - своя дорожка, свой замёрзший умывальник, свой топор, воткнутый в чурку.

Наумова открыла сразу, как будто ждала.

- От милиции?

- Да. Воронов.

- Заходите.

Внутри - одна комната, разделённая занавеской. Печка, стол, две кровати, этажерка с посудой. Чисто. Бедно, но чисто.

Наумова - лет сорока, худая, с красными от недосыпа глазами. Сидела напротив меня, комкала в руках платок.

- Валька ушёл на работу в пятницу утром, - говорила она. - Как обычно. На завод, в первую смену. С завода не вернулся. Я в субботу пошла к ним - говорят, был, работал, ушёл в три. Больше не видели.

- Он пьёт?

- Пьёт. Но трезвый всегда возвращался. И на работу всегда выходил.

- Денег много брал с собой?

- Получка была в пятницу. Полторы сотни примерно. Он всегда мне отдавал почти всё - оставлял себе рубль-два.

- Родственники в других городах?

- В Куйбышеве - брат. Но они не общаются лет пять. Поссорились из-за чего-то.

- Знакомые, к кому он мог зайти в городе?

Она помолчала.

- Есть одна. Зинка, на Привокзальной. Он туда ходит иногда. Когда... - она не договорила.

- Когда запивает?

- Да.

Я записал адрес. Привокзальная, дом двенадцать, квартира пять.

- Проверю, - сказал я. - Если появится сам - сразу сообщите в отдел.

Она кивнула. Проводила меня до двери.

- Вы думаете, что с ним?

- Скорее всего, у Зинки и сидит. Не первый раз, я понимаю.

- Не первый.

Я вышел.

К Зинке я не пошёл сразу. Решил сначала зайти на товарную станцию - она была в конце улицы, метрах в трёхстах. Раз уж я здесь, можно познакомиться с тамошними. Сторожа, стрелочники - это люди, которые знают район. Когда кто-то пропадает в окрестностях, туда и надо идти.

Пошёл.

Сторожка товарной станции была небольшим кирпичным домиком у самых путей. Дверь прикрыта, но не заперта - внутри было слышно, как кто-то возится.

Я постучал и вошёл.

В сторожке было тепло - печка топилась. Большая собака лежала у печки - кавказская овчарка, кажется, или помесь. Подняла голову, посмотрела на меня, но не залаяла.

За столом сидел мужчина лет тридцати с небольшим. Невысокий, сухой, жилистый. В ватнике, в валенках. Пил чай из эмалированной кружки. На руках у него - наколки. Старой школы, выцветшие, точечные.

Увидел меня, не встал. Просто смотрел.

- Здравствуйте, - сказал я. - Воронов. Угро.

- Хорьков, - сказал он. Не добавил ни «здравствуйте», ни «чем обязан». Просто назвался.

- Юрий?

- Юрий Аркадьевич. Хорь - это так зовут.

- Можно присесть?

Он кивнул на табурет у стены. Я сел.

Собака не шевелилась. Я посмотрел на неё.

- Не укусит, - сказал Хорь. - Ковпак. Спокойный.

- Ковпак - в честь партизана?

- В честь. Мне дед рассказывал про него в детстве. Дед воевал с ним вместе.

Это было первое, что он сказал длиннее двух слов. Я запомнил.

- Я по делу, - сказал я. - Наумов Валентин Петрович, из барака номер четырнадцать. Ушёл с работы в пятницу, не вернулся. Вы работаете здесь рядом. Не видели?

Хорь подумал.

- Видел.

- Когда?

- В пятницу, около пяти. Шёл мимо станции. В руке - сетка с бутылкой. Мимо моей сторожки прошёл.

- Куда шёл?

- К Привокзальной, похоже. Не в сторону барака, а в обратную - к центру.

- Один?

- Один.

- Потом возвращался?

- Нет. - Хорь отпил чай. - Я до десяти был здесь, потом сменился. Назад не проходил.

Я записывал. Хорь смотрел на то, как я пишу.

- Жена сказала - он иногда к одной женщине ходит. Зинка, Привокзальная, двенадцать. Слышали?

- Слышал. - Хорь хмыкнул. - Зинка - баба известная. К ней не он один ходит. Сидит там, наверное, третий день. Получку пропивают вдвоём.

- Адрес точный знаете?

- Первый подъезд, второй этаж, налево. Дверь обитая чёрным дерматином - не перепутаете.

Я кивнул. Встал.

- Спасибо.

- Не за что.

Я пошёл к двери. У двери остановился.

- Хорьков.

- М?

- Вы местный?

- Местный. С рождения.

- Здесь, на станции, давно работаете?

- Три года. С последней отсидки.

Он сказал это просто. Без вызова, без стыда - просто информация. Я кивнул.

- Понятно, - сказал я. - Спасибо ещё раз. Если что - заходите.

- Заходите, - ответил он.

Я вышел.

Зинка открыла не сразу - минуты через три. Приоткрыла на цепочке, посмотрела одним глазом.

- Чего надо?

- Милиция. Воронов. Наумов здесь?

Пауза. Потом:

- Нет.

- Открывайте, пожалуйста. Не для дела - жена беспокоится.

Она подумала. Сняла цепочку.

Наумов сидел на кухне - в майке, небритый, с потухшими глазами. Перед ним - стакан, пустая бутылка на подоконнике, ещё одна рядом, початая. Пахло перегаром, табаком, немытым телом.

Он поднял на меня глаза. Узнал, что милиция, - по форме под пальто. Не испугался - слишком был пьян, чтобы пугаться.

- Наумов.

- Я.

- Три дня вас нет дома. Жена с ума сходит.

Он молчал. Зинка стояла в дверях, скрестив руки.

- Я его не держу, - сказала она. - Пришёл сам, пил сам. Хочет - пусть идёт.

- Идёте? - спросил я.

Наумов посмотрел на стол, на бутылку. Потом на меня.

- Пойду.

- Одевайтесь.

Он встал, пошатнулся, но удержался за стол. Пошёл в коридор. Я подождал, пока он наденет пальто, шапку - медленно, с трудом попадая в рукава. Деньги - я видел в кармане пиджака на стуле - он забрал. Немного осталось. Рублей тридцать из ста пятидесяти.

Мы вышли.

На улице он остановился, глотнул воздуха.

- Холодно.

- Холодно. Пошли.

Мы шли медленно. До барака было минут двадцать пешком - он не был готов идти быстро. Я не торопил.

На середине пути он сказал:

- Не рассказывайте ей про Зинку.

- Она знает.

- Знает?

- Сама адрес дала.

Он замолчал. Шёл, смотрел под ноги.

- Я завязываю, - сказал он через минуту. - В понедельник. Завтра. То есть сегодня.

Я посмотрел на него. Не стал комментировать. Слышал это от других - не раз.

Мы дошли до барака. Я постучал в дверь.

Наумова открыла. Посмотрела на мужа. Посмотрела на меня.

- Спасибо, - сказала она мне. Не ему.

Я кивнул. Наумов прошёл в дом, ни на кого не глядя. Я развернулся.

- Воронов, - окликнула она.

- Да?

- Вы хороший человек.

Я не нашёлся, что ответить. Просто кивнул ещё раз и пошёл.

В отдел вернулся к обеду. Написал рапорт - коротко: пропавший найден по месту нахождения, возвращён в семью, криминальных обстоятельств нет. Закрыл дело.

Горелов посмотрел.

- Быстро ты.

- Повезло.

- Не повезло. Работаешь.

После обеда поехали с ним на Кировую - тот самый магазин. Обычное дело: три бутылки коньяка со склада, четвёртый раз за квартал. Кладовщика опросили, продавцов опросили. Подозрение на одного из грузчиков, но без доказательств. Оставили на потом.

К пяти вернулись в отдел.

Ирина пришла в пять тридцать.

Я сидел один в кабинете - Горелов уехал домой, Петрухин ещё с обеда где-то пропал. Дежурный крикнул снизу:

- Воронов, к тебе!

Я вышел на лестницу. Ирина стояла внизу, в пальто, шапка в руке. Снег на плечах - пошёл опять, я не заметил.

- Привет, - сказала она. - Можно на минуту?

- Сейчас.

Я спустился. Мы вышли на улицу - в отделе говорить неудобно, все слышат.

- Мимо шла, - сказала она. - Зашла на минуту.

Это была неправда. Прокуратура была на другом конце улицы, «мимо» не получалось. Я не стал уточнять.

- Что-то случилось?

- Нет. - Она посмотрела на меня. - Хотела сказать тебе одну вещь.

- Слушаю.

Она помолчала, собираясь.

- Мне предложили командировку. В Ленинград, в прокуратуру. На три месяца. Опыт, стажировка.

- Поедешь?

- Нет. Я сказала - нет. Ещё вчера.

- Почему?

Она чуть улыбнулась - редко у неё это было.

- Ты уже второй, кто спрашивает «почему». Первым был руководитель. Я ему сказала - не хочу. Он не поверил.

- А мне?

- Тебе скажу честно. - Пауза. - Не хочу прерывать то, что здесь. Пока - не хочу.

Я смотрел на неё. Мы стояли у ступеней, не касаясь.

- Понял, - сказал я.

- И всё?

- И всё. - Помолчал. - Я рад, что не поедешь.

Она кивнула. Не улыбнулась - но что-то в лице было.

- Пойду, - сказала она. - Просто хотела сказать.

- Провожу до угла?

- Проводи.

Мы шли молча. Снег шёл редкий, крупный. На углу остановились.

- Ну, - сказала она.

- Ну.

Мы стояли. Мимо проехал троллейбус - окна жёлтые, полный.

- До завтра, - сказала Ирина.

- До завтра.

Она пошла. Я постоял, посмотрел ей вслед. Потом развернулся и пошёл обратно к отделу.

Думал о том, что она могла сказать это по телефону. Не пришла бы - ничего бы не изменилось. А пришла - значит, хотела видеть. Просто видеть, без повода.

Это было важно.

Вечером дома Нина Васильевна варила суп из фасоли - запах стоял по всей коммуналке. Геннадий был на кухне - сидел на табурете, читал «Вечерний Краснозаводск». Трезвый.

- Алёша, - сказала Нина Васильевна, - садись. Скоро готово.

Я сел. Геннадий кивнул мне - просто, как сосед соседу.

- Чего нового в газете? - спросил я.

- Да ничего. - Геннадий перевернул страницу. - Пленум был. Урожай выше прошлогоднего.

- Как всегда.

- Как всегда.

Мы помолчали.

- Сын у меня, - сказал Геннадий, не глядя от газеты. - Пашка. Школу заканчивает в этом году.

- Куда после?

- Не знаю. Он говорит - в армию. А я думаю - в техникум бы. Рано в армию, пусть специальность сначала.

- Правильно думаете.

- Он меня не слушает.

Он сложил газету, посмотрел на меня.

- Не слушают они нас, Алёша. Твоё поколение - ещё слушало, наверное. А они - нет. Другие.

Я промолчал. Моё поколение. Он думал, что мне двадцать шесть. Двадцать шесть здесь - это одно, а у меня за спиной было сильно больше. И поколение моё - не его, а совсем другое, которое он не знал и не узнает.

- Каждое поколение так говорит, - сказал я. - Что следующее не слушает.

- Может быть.

Нина Васильевна поставила тарелки. Суп был густой, с мясом - фасоль, морковь, лук, кусочки говядины. Хлеб чёрный, нарезанный толсто.

Мы ели молча. Геннадий ушёл к себе, поблагодарив. Мы остались с Ниной Васильевной вдвоём.

- Устал? - спросила она.

- Не очень. День обычный был.

- Пропавшего нашёл?

- Нашёл.

- Живого?

- Живого. Пьяного.

Она кивнула.

- Хорошо. Я утром подумала - если мёртвого привезут, тебе тяжело будет.

- Почему тяжело?

Она подумала.

- Ты молодой опер. Смертей видел, конечно. Но каждая - отдельная. Привыкнуть нельзя. Я знаю, что говорю.

Муж её. Следователь. Я знал это из предыдущих разговоров - коротко, вскользь. Больше она не рассказывала.

- Нина Васильевна, - сказал я.

- Что?

- Спасибо за ужин.

- Пустяки.

Она убрала тарелки. Я сидел, смотрел в окно. Снег за стеклом опять пошёл - слабый, ровный.

- Иди, отдыхай, - сказала она. - Завтра тоже день.

- Завтра тоже.

Я пошёл к себе.

В комнате было прохладно - батарея слабо грела. Я включил настольную лампу, сел на кровать. Достал из-под матраса тетрадь.

Открыл на последней странице. Вчерашняя вырезка - аккуратно вложенная, не приклеенная. Воронов А.М., 1975 год, завод имени Орджоникидзе, несчастный случай.

Я смотрел на неё минуту. Потом закрыл тетрадь, убрал обратно.

Взял чистый лист. Сел за стол.

«Хорьков Юрий Аркадьевич, - записал я. - Тридцать с небольшим. Три года на товарной станции. Судим - последняя отсидка закончилась около трёх лет назад. Знает район. Молчаливый. Прямой. Не заискивает. Потенциальный информатор по уголовной среде».

Посмотрел на запись. Добавил: «Ковпак - кличка собаки, в честь партизана. Дед воевал у Ковпака».

Это была деталь. В моей работе деталь - это точка опоры. Если однажды Хорь замкнётся, будет молчать, - эта деталь поможет мне найти, за что зацепиться в разговоре.

Я положил лист в папку, которую держал отдельно - не в тетрадь с вырезкой, а в обычную канцелярскую, в ящике стола. Там же были короткие заметки про Митрича, про Нечаева, про Петрухина, про участковых. Маленькая картотека в голове и на бумаге - своя.

Погасил лампу. Лёг.

За окном шёл снег.

Ночью я проснулся - не от чего-то конкретного, просто проснулся. Посмотрел на часы - три. За окном было тихо. Снег, видимо, перестал - не слышно было даже того лёгкого шелеста, который бывает, когда он падает на подоконник.

Я лежал, смотрел в потолок. Думал о конверте.

Зимин знал. Знал, что я - не Воронов. Или знал, что Воронов - не тот, за кого его принимали. Разница была важная. Первое значило - он меня раскусил. Второе - он что-то знает о настоящем Воронове А.М. 1975 года, чего я не знаю сам.

Вырезка была послана не как угроза. Угроза выглядела бы иначе. Она была послана как - сигнал. «Я знаю. Я здесь. Работаем дальше».

Работаем дальше.

Я перевернулся на бок, закрыл глаза. Завтра - вторник. Кража на Кировой, отчёты, мелкие дела. Обычный день после большого.

Заснул.

Вторник был серым.

Я проснулся в семь, позавтракал с Ниной Васильевной - молча, она ещё не до конца проснулась, я тоже. Пошёл в отдел.

До обеда - рутина. Догонял бумажки, звонил по Кировой в райотдел соседнего города - запрашивал информацию по одному подозреваемому. Написал рапорт по Наумову, сдал. Горелов сидел напротив, работал над своим.

В одиннадцать зашёл Петрухин.

- Воронов.

- Что?

- Тебя Маша на коммутаторе спрашивает. Жалоба пришла - с Пушкинской. Кто-то почтовые ящики вскрывает.

- Какой адрес?

- Дом семнадцать.

- Сейчас.

Я пошёл.

Дом на Пушкинской - старый, трёхэтажный, довоенный. Парадная с двумя ступенями, деревянная дверь с облупившейся краской. Я вошёл. В подъезде пахло кошками и подгоревшей кашей.

Почтовые ящики висели на стене слева от входа - железные, зелёные, с номерами квартир. Шесть штук - по две на квартиру. Три из них были взломаны: петли выворочены, крышки болтаются.

Я осмотрел. Работа грубая - отвёрткой или монтировкой. Не профессионал - хулиган, возможно подросток. Не в первый раз такое вижу.

Жалобу подавала жительница первого этажа, квартира два. Я постучал.

Открыла женщина. Лет пятидесяти с небольшим, массивная, с красным лицом, в платке. За спиной у неё - кухня, пахнет борщом.

- Воронов, милиция. Вы Валентина Серафимовна?

- Я. Заходите.

Я вошёл. Квартирка маленькая - одна комната и кухня. Чисто, много салфеток на всём, герань на подоконнике. Кот спал на стуле.

- Садитесь, - сказала она. - Чайку?

- Если вам не сложно.

- Сложно, да не очень.

Она поставила чайник. Достала чашки, варенье в маленькой хрустальной вазочке, сахар кусками.

- Валя я, - сказала она. - По-простому. Валя-почтальонша - так меня в городе зовут. Двадцать восьмой год на почте. Этот участок - мой.

- Давно?

- С шестьдесят четвёртого. Пятнадцать лет.

Пятнадцать лет одного участка. Это человек, который знает всё.

Она разливала чай, говорила:

- Так вот, милок. Ящики эти, на Пушкинской семнадцать, - они уже третий раз за этот год вскрываются. В марте было, в июле - и вот сейчас. Каждый раз в одно и то же время - между двенадцатью и двумя, когда я развезла почту и ушла. Кто-то за мной следит. Ждёт, пока положу и уйду, - и лезет.

- Что пропадает?

- Вот в этом и странно. Деньги никто не кладёт в ящики - это понятно. Газеты не трогает. А письма - берёт. Не все - выборочно. Из ящика номер три, квартира три - берёт каждый раз. Из ящика номер пять - тоже.

- Что за квартиры?

- Третья - Семиглазовы, муж-жена, старички. Письма получают от сына - он в Архангельске служил, теперь работает там же, женился. Пишут регулярно.

Она отпила чай.

- А пятая - квартира Осипа Марковича. Он учитель, в школе на Горького. Один живёт. Ему тоже письма приходят - из разных мест, не одного.

Я насторожился. Учитель, получающий письма из разных мест. Это могло быть интересно. Или могло быть ничем.

- Какие города?

- Ой, разные. Ленинград часто. Москва была. Киев. Ташкент один раз.

- Ленинград - от кого?

Она посмотрела на меня. Глаза у неё были живые, внимательные. Я понял - она знает больше, чем говорит. И знает, что я заинтересовался.

- Не помню фамилию отправителя, - сказала она. - Женская, вроде. Не наша фамилия - еврейская, кажется.

- Гинзбург?

Она задумалась.

- Может быть. Может быть, и Гинзбург. Не поручусь.

Я записал. Карандашом, не ручкой - так, чтобы можно было стереть потом.

- Валентина Серафимовна.

- Валя, я сказала.

- Валя. Вы мне очень помогли. Я подумаю, как разобраться с ящиками. Может быть, засаду поставим - вряд ли, но думать буду.

- Думайте.

Она помолчала. Отпила чай.

- А ты, милок, - сказала она, - зайди ещё как-нибудь. Просто так, за чаем. Я на Пушкинской семнадцать, первый этаж. Мне одной скучно - муж умер в семьдесят третьем, дети в Ленинграде. Я с котом и с людьми на участке разговариваю. А ты, видно, человек слушающий.

Я посмотрел на неё.

- Зайду.

- Ты хороший парень, Воронов. Я это вижу. Мне Митрич про тебя говорил - мы с ним с войны знакомы, он в моей сестры муже служил.

- Мир маленький.

- Краснозаводск маленький.

Я допил чай. Встал.

- Спасибо за чай.

- Заходи.

- Зайду.

На улице я постоял у подъезда, смотрел на снег. Пушкинская, семнадцать. Валя-почтальонша. Митрич знает её со времён войны. Знает, что я буду ходить.

Два человека за два дня. Хорь - уголовная линия. Валя - почтовая. Оба - случайно, по текущим делам. Оба - подошли сами, дали понять, что открыты.

Это не случайно.

Я шёл в отдел и думал: либо я просто замечаю то, что было всегда, - потому что созрел. Либо - кто-то подкладывает мне людей. Митрич? Возможно. Он всех знает. Он мог сказать Вале: «Будет заходить опер, хороший. Если пригодится - помоги». Он мог сказать то же самое и другим.

Или - шире. Зимин.

Я не знал. Но ощущение было - что я не один в этом городе. Кто-то рядом работает, не объявляясь, и ровняет под меня почву.

Это было и хорошо, и тревожно одновременно.

Вечером я пошёл к Митричу.

Он сидел в своей каморке, топил печку. Один. Книгу закрыл, когда я вошёл.

- Воронов. Второй раз за три дня. Что-то у тебя срочное?

- Не срочное. Просто зашёл.

- Садись.

Я сел. Он налил чай.

- Митрич.

- М?

- Валю-почтальоншу знаете?

Он посмотрел на меня. Усмехнулся в усы.

- Знаю.

- Вы ей про меня говорили?

- Говорил.

- Зачем?

Он пожал плечом.

- Она хороший человек. Ты хороший человек. Хорошие люди должны знать друг друга в нашем городе. А что?

- Так вот - пришла жалоба с её адреса. Я познакомился с ней сегодня.

- Совпадение.

- Совпадение?

- Совпадение. - Он отпил чай. - Я её на тебя не наводил. Просто сказал, что есть в отделе молодой опер, нормальный, если что - можно доверять. Она сама запомнила. Когда надо стало - вспомнила.

Я кивнул.

- А Хорь?

- Какой Хорь?

- С товарной станции. Хорьков.

- А. - Митрич подумал. - Этого я не знаю лично. Слышал - у него репутация тихого. С волей ходит. Ментов не любит, но нормальных - не трогает. Ты нормальный. Он это увидит, если не увидел уже.

Я смотрел на Митрича.

- Спасибо.

- За что? - Он пожал плечом. - Я в этом городе тридцать лет работаю. Всех знаю. Кого - лично, кого - через людей. Ты пришёл - я тебе помогаю. Это не одолжение. Это - как положено.

- Как положено кому?

Он посмотрел на меня. Долго. Потом сказал:

- Старым. Тем, кто жил уже. Молодым надо помогать. Без этого город не стоит.

Я ничего не сказал. Сидел, пил чай.

Снаружи шёл снег.

Домой я вернулся около девяти. Нина Васильевна сидела на кухне - читала. Паустовский, кажется. Я узнал обложку - она на той неделе начинала.

- Алёша.

- Да?

- Чаю?

- Пил у Митрича. Спасибо.

Она кивнула. Отложила книгу.

- Хотите, почитаю вслух? - спросила вдруг. - Я одна читаю - скучно иногда. А вслух - оно как-то иначе.

- Читайте.

Я сел напротив. Она открыла книгу, нашла нужное место, начала читать.

Это был рассказ о Мещёре. Про озеро, про лес, про человека, который живёт рядом и слушает тишину. Нина Васильевна читала ровно, не торопясь. Голос у неё был низкий, спокойный.

Я слушал и смотрел в окно. За окном падал снег - мелкий, ровный, как с утра. Красноводск был тихим - в будний вечер все сидели по домам. Только дальний гудок тепловоза с товарной станции прошёл через двор и растаял в снегу.

Я подумал: вот - мой день. Утро со снегом. Пьяный в бараке, сторож со станции. Ирина на углу. Суп из фасоли. Ящики на Пушкинской, Валя с чаем. Митрич у печки. И сейчас - Паустовский вслух.

Маша в той жизни. Я ей редко читал вслух. Всё хотел, всё откладывал - «завтра, завтра». Не было завтра.

Здесь - есть.

Нина Васильевна читала. Я слушал.

За окном шёл снег.

Глава 2

Среда началась с оттепели.

Снег за ночь не шёл, и к утру температура поднялась - может быть, до нуля. Всё в городе подтаяло - крыши, карнизы, ветки. Капало с козырьков подъездов, с фонарных столбов. Тротуары стали скользкими - тонкий лёд под тонким слоем воды.

Я проснулся в шесть сорок. Лежал, слушал, как капает с подоконника. Думал: ранняя весна, как сказала Нина Васильевна. Но это была ещё не весна - ложная, на два-три дня. К выходным снова станет морозно, снег опять пойдёт. Я знал это по ощущению - или думал, что знал.

Встал. Оделся.

На кухне Нина Васильевна возилась с примусом - керогаз коптил, она его регулировала.

- Опять барахлит, - сказала она, не оборачиваясь. - Надо фитиль менять.

- Починю вечером.

- Починишь?

- Починю.

Она посмотрела на меня.

- Ты говоришь, будто на самом деле собираешься.

- Собираюсь.

- Хорошо. Тогда принесу фитили с работы.

Она варила кашу. Я сел, налил чай.

Сегодня был день, в который я ничего особенного не планировал. Рутина, отчёты, может быть, выезд на Кировую, если появятся зацепки. Простой день после двух насыщенных.

Но я ошибался.

В отделе я был в семь двадцать. Горелов пришёл в восемь без пятнадцати, уже с запахом валокордина - Мишка, видимо, ночью температурил.

- Как дети? - спросил я.

- Мишка получше. Танька теперь кашляет. По очереди, как положено.

- Сочувствую.

- Ничего. Аня справляется.

Планёрки в этот день не было - Нечаев уехал в управление, в райцентр, по каким-то делам. Мы с Гореловым разбирали бумаги.

В девять в кабинет заглянул Петрухин.

- Воронов.

- Что?

- Митрич просил передать, чтобы ты к нему заглянул. Если будет время.

- Когда сказал?

- С утра. Пришёл к дежурному, оставил тебе.

Я кивнул.

Митрич не присылал просьб зайти просто так. Если он просил - значит, у него было что-то конкретное. Я подумал, что пойду после обеда - доделаю бумаги и пойду.

Но проработал я недолго. В десять появилась ещё одна мысль - я увидел её в рапорте по Наумову, который перечитывал перед сдачей в архив. В строке «место работы пропавшего»: завод "Красный металлург", слесарь сборочного цеха.

Завод "Красный металлург".

Громов был там куратором до своего ареста. Громов сейчас сидел. Завод продолжал работать.

Я знал завод - заходил туда несколько раз по делам Громова прошлым летом. Но о его истории до семидесятых годов - ничего не знал. И вдруг подумал: а что было до Громова? Он же там не с первого кураторского дня. Кто был до него? Кого он сменил? В какой обстановке?

Я отложил рапорт. Подумал минуту. Потом встал.

- Пойду к Митричу, - сказал я Горелову. - Он звал.

- Когда вернёшься?

- К обеду.

- Угу.

Я вышел.

Митрич сидел в своей каморке во дворе ЖЭКа - топил печку. В этот раз - трезвый, собранный. Пиджак на плечах, под ним свитер. Книгу - тот же том Чехова с закладкой - закрыл, когда я вошёл.

- Воронов. Быстро.

- Петрухин передал.

- Садись.

Я сел на табурет. Он налил чай - чёрный, крепкий, без церемоний.

- Я тут подумал, - сказал Митрич. - Вчера, после того как ты ушёл. Про Валю, про Хоря, про то, что ты начинаешь - как бы сказать - расти.

- Расти?

- Не в смысле возраста. В смысле - набирать людей, становиться здешним. - Он отпил чай. - И подумал: есть одна вещь, которую я тебе летом не досказал. Теперь, может, время рассказать.

Я насторожился.

- Слушаю.

Он закурил. Папироса, спичка долго тлела - он прикуривал медленно, как будто тянул время. Погасил, бросил в пепельницу.

- Ты помнишь, я летом тебе говорил про мужика, который уехал с завода "Красный металлург"? В семьдесят четвёртом?

- Помню.

- Я сказал - уехал внезапно. Больше ничего.

- Было больше?

- Было. - Митрич выдохнул дым в сторону. - Он не уехал. Он исчез. И через три недели его нашли в лесу - мёртвого.

Я сидел неподвижно.

- Почему тогда не сказали?

- Потому что Громов был на свободе. Ты в нём тогда только разбирался. Сказать про того мужика - значит дать тебе ниточку, за которую ты бы полез. А Громов в то время мог тебя убрать, если бы понял, что ты копаешь глубоко. Я боялся за тебя.

Он посмотрел на меня. Я смотрел на него.

- Сейчас Громов сидит. Теперь можно. Думаю, ты найдёшь концы.

- Рассказывайте, - сказал я.

Митрич рассказывал не спеша - двумя приёмами, между которыми курил и пил чай.

- Мужика звали Потапов. Алексей Ильич. Инженер с "Красного металлурга" — тот самый завод, который Громов курировал из горкома. Громов в горкоме давно сидит, не первый год — но систему через завод выстроил с семьдесят четвёртого. До того просто согласовывал бумаги. Потапов работал там с пятидесятых. Хороший инженер, опытный.

- В каком цехе?

- В техническом отделе. Не на производстве, а в бумагах - спецификации, расчёты, документация. Тот, кто знает все бумаги завода.

Я кивнул.

- В семьдесят четвёртом, осенью, - продолжил Митрич, - он стал странно себя вести. Это мне жена его говорила - потом, через год. Она была соседкой моей родственницы, я её знал. Стал нервный, молчаливый. Дома - пил, хотя раньше не пил. На работу ходил, но - как будто под гнётом.

- Что-то случилось?

- Он что-то нашёл в документах. Что именно - не говорил жене. Только обмолвился: «Ильин знает». Ильин - его товарищ, тоже инженер, постарше. Работали вместе лет двадцать.

- Где сейчас Ильин?

- Умер в семьдесят шестом. Инфаркт.

Я записал. Митрич смотрел, как я пишу, не остановил.

- Дальше, - сказал он. - В ноябре Потапов пропал. Три дня не было дома, не было на работе. Жена пошла в милицию - заявление. Искали. Через три недели нашли тело. В лесу под городом - километрах в пятнадцати, в сторону Заречной области.

- Как нашли?

- Случайно. Охотники. Лежал у ствола, ружьё рядом. Вывод экспертизы: несчастный случай на охоте. Самострел из собственного ружья.

- Он охотился?

- В том и дело - нет. Ружья у него не было. Жена сказала - никогда. Ружьё, которое нашли рядом, - не его. Номер не пробивался - стёрт. Но в официальную версию это не вписалось. Написали: купил недавно у частника, зарегистрировать не успел. Дело закрыли за отсутствием состава преступления.

- Кто вёл?

- Опер Лапшин. Уволился из отдела в семьдесят шестом. Говорят, уехал в Ростов. Сейчас не знаю, где.

Митрич докурил. Потушил.

- Жена Потапова?

- Уехала к сестре в Воронеж в семьдесят пятом. Адреса не знаю.

- Тело есть в архиве?

- Дело должно быть. Тонкое, но должно лежать. Семьдесят четвёртый год, ноябрь.

Я закрыл блокнот.

- Ещё одно, - сказал Митрич. - Если будешь копать - осторожно. Потапов что-то нашёл. Его за это убрали. Что именно он нашёл - за это и сейчас могут убрать, если поймут, что ты близко.

- Понял.

- Не «понял», Воронов. Не по-ментовски «понял». По-настоящему.

Я посмотрел на него.

- По-настоящему понял.

Он кивнул.

- Иди.

В отдел я вернулся к двенадцати. Горелов ушёл на обед - я остался один в кабинете. Сел за стол, смотрел в окно. Во дворе таял снег, по карнизу капало.

Потапов. Инженер. Технический отдел, документы, спецификации. Нашёл что-то в бумагах. Сказал: «Ильин знает». Через месяц - мёртв. Ильин - умер через два года, инфаркт.

В плане работы Громова, о которой я узнал летом, - это звучало логично. Громов приторговывал через завод, схема была в документах. Если инженер случайно наткнулся на что-то в бумагах - его убирали. Но Громов пришёл куратором давно. Потапов исчез в семьдесят четвёртом. Громов работал при Потапове - значит, либо Потапов знал давно и молчал, либо нашёл что-то новое незадолго до смерти.

Или - Громов не один. Есть кто-то выше, кто держал схему. Потапов мог наткнуться на след кого-то, кто был над Громовым.

Я встал. Пошёл в архив.

Архив у нас в подвале. Железная дверь, зарешёченная лампочка, стеллажи до потолка, пыль. Архивариус - Лукьянчук, отставной, лет семидесяти. Сидит у входа за столом, дремлет до обеда.

- Лукьянчук.

Он открыл глаз.

- Воронов.

- Мне нужен архив семьдесят четвёртого. Ноябрь-декабрь. Закрытые дела.

- Зачем?

- Справка.

Он посмотрел на меня. Лукьянчук был не дурак - понимал, что «справка» значит копать.

- Распишись, - сказал он. - Ящик третий, стеллаж четыре.

Я расписался в журнале. Пошёл к стеллажу.

Дело Потапова Алексея Ильича лежало на своём месте - тонкая папка в сером картоне. Год семьдесят четвёртый, номер такой-то. Опер - Лапшин П.И.

Я взял папку, сел за маленький стол у лампочки. Открыл.

Внутри было мало. Заявление от жены о пропаже. Протокол осмотра места обнаружения тела. Акт судмедэкспертизы. Объяснение от охотников, нашедших тело. Постановление о прекращении дела - «за отсутствием состава преступления». Подпись - Лапшин, виза Нечаева.

Я читал внимательно.

Протокол осмотра был странным. Тело лежало у ствола дерева, навзничь, лицом вверх. Ружьё - рядом с правой рукой, стволом к телу. Выстрел - в грудь, с близкой дистанции. Одежда - рабочая куртка, брюки, сапоги. Документов не было. Опознали по особым приметам - шрам на левой руке, татуировка на предплечье (номер полевой почты, военный).

Дата осмотра - двадцать третье ноября семьдесят четвёртого. Смерть наступила, по экспертизе, за две-три недели до обнаружения. То есть - начало ноября.

Я пометил в блокноте: «Начало ноября. Две недели между исчезновением и смертью? Или исчез уже мёртвым?»

Акт экспертизы. Причина смерти - огнестрельное ранение грудной клетки, повреждение сердца. Смерть мгновенная. Посторонних следов на теле нет.

«Нет». Я перечитал. «Следов борьбы, связывания, иных повреждений не обнаружено». Но - тело пролежало три недели в лесу. Животные, гниение. Что там вообще можно было обнаружить через три недели?

И - ружьё без номера. Стёрт. «Частная покупка, регистрация не завершена».

Я закрыл папку. Сидел, думал.

Подделка - не грубая. Сделано аккуратно, с пониманием. Человек, который оформлял, знал, что важно подчеркнуть, что опустить. Лапшин, возможно, знал больше, чем написал. Или - писал под диктовку.

Я встал, вернул папку на место. Вышел.

Горелов уже вернулся с обеда. Сидел за столом, что-то писал. Посмотрел на меня, когда я вошёл.

- Где пропадал?

- В архиве.

- Что смотрел?

Я сел. Помолчал. Потом сказал:

- Дело семьдесят четвёртого. Инженер с "Красного металлурга". Потапов.

Горелов положил ручку. Посмотрел на меня.

- Потапов.

- Знаете?

- Знаю. - Он откинулся на стуле. - Я тогда был молодой опер, год работал. Дело вёл Лапшин. Я помню - мне казалось странным.

- Что именно?

- Всё. - Горелов подумал. - Ружьё без номера. Три недели в лесу. И - сам Потапов. Я его не знал лично, но слышал. Инженер старой школы, педант, ни с кем не ссорился. Не тот человек, чтобы покупать ружьё без документов у частника и идти в лес в одиночку.

- Что вы тогда говорили Лапшину?

- Говорил - мутное. Лапшин отмахнулся. «Не наше дело, - говорит, - пришло сверху, закрыть». Сверху - то есть Нечаев или выше.

- Нечаев?

- Может быть. Но скорее - через Нечаева. От прокуратуры или от чего-то повыше.

Я смотрел на него.

- Горелов.

- Что?

- Я хочу его возобновить.

Он молчал. Долго.

- Тебе это надо?

- Надо.

- Ты понимаешь, что это означает?

- Понимаю.

- Не уверен, что понимаешь. - Он наклонился вперёд. - Если то дело закрывали сверху, значит, и открывать сверху не дадут. Тебе придётся идти в обход - через прокуратуру, через Савельеву. Савельева молодая, может и возьмётся. Но тебя за это будут тихо придавливать. Не громко, не явно. Командировки неудобные, отказы в запросах, мелкие палки в колёса. И - если найдёшь настоящее, - могут и не тихо.

- Я знаю.

- Знаешь.

- Знаю.

Горелов смотрел на меня.

- Ты зачем это, Воронов?

Я подумал, как ответить. Правду сказать нельзя. Половину правды - можно.

- Потому что Громов сидит за одно убийство, а их было больше. Потому что Потапов - не единственный, я думаю. И потому что в моей работе есть моменты, когда я понимаю: я делаю это не ради показателей. Вот сейчас - такой момент.

Горелов кивнул. Один раз.

- Хорошо, - сказал он. - Тогда я с тобой.

- Не обязательно.

- Обязательно. Один ты не потянешь. И - я тогда Лапшину не помог. Сейчас помогу тебе.

Я посмотрел на него. Не знал, что сказать.

- Спасибо.

- Потом будешь благодарить. Сейчас работаем.

До конца рабочего дня мы делили задачи. Горелов брал на себя поиск Лапшина - в Ростове его можно было найти через милицейский учёт уволенных, если подать запрос с хорошей формулировкой. Я - находил Хоря и просил вывести на свидетеля из семьдесят четвёртого года.

На следующий день, в четверг двадцать второго, я поехал к Хорю.

Товарная станция к утру ожила - разгружали вагоны, ходили грузчики в ватниках, гудели тепловозы. Я прошёл к сторожке.

Хорь был внутри - чай пил. Ковпак лежал у печки, поднял голову на меня, опустил.

- Воронов.

- Хорь.

Я достал пачку «Беломора», положил на стол. Хорь посмотрел на пачку, потом на меня. Взял, распечатал, закурил одну. Вторую убрал в карман.

- Проходи.

Я сел на табурет.

- У меня вопрос, - сказал я. - Семьдесят четвёртый год, ноябрь. В лесу под городом нашли мёртвого мужика - инженер с "Красного металлурга", Потапов. Думаю, убили. Нужен свидетель - кто-то, кто в те дни был в лесу, что-то видел.

Хорь курил, смотрел в окно.

- В каком именно месте нашли?

- Пятнадцать километров от города, в сторону Заречной области. У старой вырубки.

- Знаю место. - Он помолчал. - Есть один. Горбатый. Жил тогда в бараке на Лесной, за грибами ходил часто, в том числе в те места. Если что видел - помнит. Память у него хорошая, несмотря на водку.

- Где он сейчас?

- В хибаре за городом. За полустанком, по тропе направо, метров триста. Один живёт. Пьёт.

- Говорить со мной будет?

Хорь подумал.

- Со мной - будет. Один не ходи - может не открыть.

- Поедем?

- Сегодня?

- Сегодня.

Он посмотрел на Ковпака.

- Смену сдам в пять. Жди в половине шестого у станции.

- Договорились.

В половине шестого было уже темно. Зима подходила - темнело рано. Я ждал у сторожки, Хорь вышел в пять тридцать пять. В ватнике, в шапке-ушанке, валенки. Собаку оставил - Ковпак смотрел из сторожки, недовольный.

- Пешком? - спросил я.

- Автобусом до полустанка. Оттуда - пешком. Километра полтора.

Мы сели в автобус. Ехали молча. В автобусе было тепло и пахло соляркой. Окна запотели - я протёр рукавом, смотрел, как уходит город. Фонари, трубы завода, низкие дома окраины. Потом - лес, поле, снова лес.

Хорь сидел рядом, смотрел вперёд.

- Хорь.

- М?

- Кто такой Горбатый?

- Пьяница. Лет шестьдесят, может, больше. Был на зоне в пятидесятых - первый раз за что-то несерьёзное, потом ещё пару раз за мелкое. Сейчас - инвалид, пенсию получает, пропивает. Живёт один. Спину повредил в молодости - отсюда горб и кличка.

- Почему он будет говорить?

- Я его знал ещё по зоне - в одну попали в шестьдесят третьем. Он меня помнит. И - он не боится. Бояться ему уже нечего.

Я кивнул.

Полустанок оказался остановкой в поле. Автобус отъехал - мы стояли в темноте, снег под ногами, лес чёрной стеной впереди. Хорь пошёл первым - по тропе, чуть в сторону от дороги.

Мы шли минут двадцать. Тропа виляла между деревьями. Тишина - только снег скрипел. Хорь не говорил. Я - тоже.

Хибара Горбатого появилась в распадке - низкий сруб, засыпанный снегом, одно окно светилось жёлтым. Дым из трубы. Хорь подошёл к двери, постучал - два раза, пауза, ещё один.

Дверь открылась не сразу. Сначала голос - хриплый:

- Кто?

- Хорь. Со мной - свой.

Пауза. Потом дверь открылась.

Горбатый был маленький, скрюченный, в ватнике на голое тело, в валенках. Лицо - в морщинах, щетина седая. Глаза острые. Посмотрел на меня.

- Ментура?

- Угро, - сказал я. - Воронов.

Горбатый посмотрел на Хоря.

- Зачем привёл?

- Поговорить. Не про тебя.

Горбатый подумал. Отступил от двери.

- Заходи.

Внутри было тесно, жарко, пахло куревом, перегаром и чем-то ещё - жилым, кислым. Печка топилась. Стол, табуретки, лежак в углу, этажерка с банками. На столе - початая бутылка водки, огурцы в банке, кусок хлеба.

Горбатый сел за стол. Кивнул на табуретки - мы сели. Он налил себе в стакан, посмотрел на нас.

- Будете?

- Не буду, - сказал я. - На работе.

- Я тоже, - сказал Хорь.

Горбатый пожал плечом, выпил сам. Закусил огурцом. Вытер рот.

- Говори.

- Семьдесят четвёртый год, ноябрь, - сказал я. - В лесу, у старой вырубки - той, что за вторым полустанком. Нашли мёртвого мужика. Инженер, Потапов. Вы тогда ходили в те места?

Горбатый смотрел на меня. Долго. Потом налил ещё, выпил. Закурил.

- Ходил.

- Что видели?

Он курил, смотрел в печку. Молчал минуту. Я ждал.

- В ноябре, - сказал он наконец. - Точно не скажу, число не помню. Но - в первой половине. Снег уже лежал, но тонко. Я за грибами ходил - поздние, зимние. Опёнки иногда попадаются. Шёл через лес, мимо той вырубки - знаешь, там дорога просёлочная проходит, заброшенная.

- Знаю.

- Ночью шёл. С вечера попал, задержался, возвращался в темноте. Луна была - видно. На дороге, у вырубки, стояла «Волга». Чёрная.

Я напрягся.

- Одна?

- Одна. Мотор заглушен. Я из леса смотрел - не выходил, затаился. Было у меня тогда чувство - не лезь. Чуйка такая.

- Видели людей?

- Двое. Вышли из машины, открыли багажник. Достали что-то тяжёлое - вдвоём несли. Понесли в лес, в сторону от дороги. Метров тридцать. Потом вернулись без этого. Сели в машину, уехали.

- Лица видели?

- Нет. Темно, далеко. Роста высокого оба. Одеты - в пальто, шапки. Больше не скажу.

- Номер машины?

Горбатый усмехнулся.

- Глаза у меня тогда были получше. Номер записал - цифры, серии. В блокноте писал, потом в избе потерял. Но кое-что запомнил: две цифры в конце - шестьдесят семь. И серия - завод, номерной. Я знаю, у завода "Красный металлург" своя серия была - «К» с номером. Вот такая и была - «К»-что-то-шестьдесят семь.

Я записывал. Быстро, не думая.

- Почему вы молчали тогда?

Он посмотрел на меня. Долго смотрел.

- Ментура, - сказал он. - Ты молодой. Не знаешь. В семьдесят четвёртом - кто бы меня слушал? Алкаш, судимый трижды, с горбом. Я бы пришёл в отдел - меня бы посадили за клевету на советский завод. Или - просто замяли бы, а потом я бы исчез. Я тогда подумал: видел - и видел. Молчи, старый, живи дальше.

- А сейчас?

- А сейчас - ты пришёл. С Хорём. Хорь - человек свой, он зря не приведёт. Значит, что-то изменилось. Может, Громова наконец упаковали, я слышал?

- Упаковали.

- Ну вот. Теперь можно говорить. Теперь - нестрашно.

Я кивнул.

- Спасибо.

Горбатый налил третий стакан. Выпил. Поставил.

- Только одно, ментура.

- Что?

- Ты не вздумай протокол писать и меня в свидетели вызывать. Я в суд не пойду - старый, больной, ничего не помню. Для тебя - сказал. Для бумаги - не скажу. Понял?

- Понял.

- Работай дальше сам.

Мы вышли от Горбатого около семи. Снег пошёл - слабый, крупный. Мы шли обратно к полустанку молча. На полустанке ждали автобус - он был через полчаса.

Стояли на остановке. Хорь закурил «Беломор», я - свою «Ляну».

- Спасибо, Хорь.

- За что. Нормально.

Мы стояли, курили. Автобус подошёл в темноте, пустой, тёплый. Сели в конец.

- Хорь, - сказал я тихо, когда отъехали.

- М?

- Если мне понадобится ещё - что-то подобное, - вы будете?

Он подумал.

- Буду. Пока - буду.

- Спасибо.

Он кивнул и больше ничего не сказал. Я смотрел в окно - темнота, редкие огни, снег в свете фар. Думал: «К»-шестьдесят семь. Серия завода. Надо проверить, у кого из завода в те годы были машины с такой серией. Это сузит круг.

В пятницу я работал с Гореловым - кража на Кировой, наконец появилась зацепка через одного из грузчиков. Мы его взяли, оформили, он быстро признался в трёх эпизодах. Дело закрылось, один эпизод перешёл к ОБХСС. К пяти всё было оформлено.

В субботу я сидел дома, писал рапорт по Потапову. Не официальный - аналитическая записка, которую я хотел передать Ирине.

Писал часа три. К обеду было готово.

Я излагал: дело Потапова 1974 года, закрытое как несчастный случай. Признаки, указывающие на убийство: ружьё без номера, несоответствие заявленного механизма и обстоятельств, отсутствие у потерпевшего оружия и опыта охоты, показания косвенного свидетеля (не называя имени) о чёрной «Волге» с заводской серией в ночь примерного времени смерти, связь с "Красным металлургом", где впоследствии был арестован Громов А.П. по другому делу. Предложение: возобновить расследование.

Показал Горелову в субботу вечером - он зашёл ко мне в коммуналку специально, чтобы прочитать до понедельника. Прочитал. Два места поправил - сделал формулировки суше, менее эмоциональными.

- Теперь хорошо, - сказал он. - Неси.

- Ей отдельно покажу. До Нечаева.

- Правильно. Если Ирина примет - Нечаеву придётся принимать. Если Нечаев первый посмотрит - может замять.

- Знаю.

Горелов ушёл. Я сидел один, смотрел на свою аналитическую записку. Десять страниц, напечатанные на казённой машинке в отделе - Маша мне дала напечатать в нерабочее время.

Завтра - воскресенье. К Ирине я не мог прийти в воскресенье просто так, с работой. Это был её единственный выходной. В понедельник с утра - отдам ей в прокуратуре официально.

В воскресенье вечером я остался дома. Починил Нине Васильевне керогаз - она принесла новые фитили, я заменил. Примус заработал, запах керосина ушёл.

- Молодец, - сказала она. - Не ожидала.

- Почему?

- Городские молодые руками не умеют. А ты умеешь.

- Деревенский отец был.

Это было полуправдой. Мой отец - тот, настоящий, в другой жизни, - был инженером, работал с руками хорошо, учил меня. А отец здешнего Воронова - я про него ничего не знал. Но «деревенский отец» звучало правдоподобно, и я уже второй месяц это использовал как объяснение своих неожиданных умений.

Нина Васильевна кивнула. Не стала расспрашивать.

Я поставил чайник. Она села за стол, разложила свою книгу - снова Паустовский, тот же том.

- Почитать? - спросил я.

- Почитай.

Я сел, взял книгу. Она закладкой отметила страницу - я открыл. Рассказ про сбор клюквы - я начал оттуда.

Читал медленно, проговаривая. Мне нравилось читать вслух - не Маше, которой я не успел. Здесь. Нине Васильевне, которая слушала, сложив руки на коленях.

На середине рассказа она сказала:

- Муж у меня читал вслух тоже. По вечерам.

Я поднял голову. Она смотрела в окно, не на меня.

- Следователь, - сказал я. - Вы говорили.

- Говорила. - Пауза. - Пётр. Пётр Сергеевич. Тридцать три года вместе прожили.

Я не закрывал книгу. Держал палец на строке, ждал.

- В шестьдесят втором было дело, - сказала она. - Большое. Он вёл. Против одного человека - тоже большого, тогдашнего секретаря райкома. Дело было не политическое - хозяйственное. Воровство. Петя собрал материалы - прочные, с документами, со свидетелями.

- Закрыли?

- Попросили закрыть. Сначала - вежливо. Потом - не очень. Он не закрыл.

- И?

- Сняли с должности. Отправили на пенсию досрочно, в шестьдесят три. Через два года - инфаркт, умер.

Она перевела взгляд на меня.

- Я знаю, Алёша, ты сейчас тоже во что-то ввязался. Я вижу, что ты ходишь с бумагами. Что ты поздно возвращаешься. Что у тебя лицо как у Пети тогда. Я не спрашиваю, во что. Это не моё дело. Но хочу сказать одно.

- Скажите.

- Пётр не жалел, что не закрыл. Я потом у него спрашивала - за год до смерти, когда он уже болел. Он сказал: «Если бы закрыл - жил бы с этим. Это было бы хуже».

Она помолчала.

- Я тогда не поняла. Сейчас - понимаю. Есть вещи, с которыми жить нельзя. Лучше без них - даже если дороже.

Я смотрел на неё.

- Нина Васильевна.

- Что?

- Спасибо.

- Не за что. Просто - я не могла молчать. Видишь, и не молчу.

Она кивнула на книгу.

- Читай дальше.

Я читал дальше. Голос был чуть неровный - я выравнивал его через пару фраз. Она слушала, не двигаясь. За окном была ночь, и снег опять шёл - тихо, без ветра, как и всю эту неделю.

В понедельник в девять утра я был у Ирины в прокуратуре.

Она сидела за столом - в тёмном платье, волосы собраны, деловое лицо. Когда я вошёл, подняла голову, увидела папку в моей руке.

- По Потапову?

- По Потапову.

Я положил папку на стол. Сел напротив. Она открыла, начала читать.

Я не говорил - смотрел в окно. За окном двор прокуратуры, голые тополя, дворник чистил снег. Ирина читала минут двадцать. Я не торопил.

Прочитала. Положила папку, сняла очки для чтения - у неё были тонкие, для близорукости, она их носила только за столом.

- Это - возобновление дела против Громова? - спросила она.

- Новое дело. Но Громов - главный подозреваемый.

- Понимаю.

Пауза.

- Алексей, - сказала она. - Я понимаю, что это сложнее, чем просто подать. Там, возможно, будет давление - и на меня, и на тебя.

- Я знаю.

- Ты хочешь, чтобы я приняла?

Я подумал, как ответить. Сказал:

- Я хочу, чтобы ты решала сама. Если скажешь «не сейчас» - я пойму. Если скажешь «нужно больше материалов» - буду собирать. Если скажешь «принимаю» - будем работать.

Она смотрела на меня.

- Подай официально, - сказала она. - Я приму.

Сказано без паузы.

- Точно?

- Точно. - Она постучала пальцем по папке. - Это аналитика хорошая. Косвенный свидетель - слабо, но у тебя есть материал для следственных действий. Тело можно эксгумировать - современная экспертиза покажет больше. Номер машины - пробить по заводу. Лапшина - найти, допросить. Это настоящее дело, не фантазии. Я такие дела не закрываю.

Я кивнул.

- Тогда подаю сегодня.

- Подавай.

Я собрал папку. Встал.

- Алексей, - сказала она, когда я был у двери.

- Да?

- Спасибо, что спросил.

- Что спросил?

- Про решение. Мужчины обычно не спрашивают. Приносят - и ждут согласия.

Я посмотрел на неё.

- Это было твоё дело теперь. Не моё.

Она едва заметно кивнула. Я вышел.

На улице был снег - новый, с утра. Ложился поверх вчерашнего, делал всё снова белым и ровным.

Я пошёл в отдел. Папка в руке была тяжёлая - не весом, а тем, что внутри.

Думал: Горелов с Ириной, два человека. «Я с тобой» и «я приму». Каждый - своим способом. Оба знают, во что ввязываются.

Нина Васильевна - третья. Она не помогает делом. Она помогает тем, что видит и понимает и держит пространство. Её муж не закрыл дело и умер. Она живёт в этом тридцать с лишним лет. Теперь передаёт это мне - не как предостережение, а как свидетельство.

Три человека, которые знают, что я начинаю большое. И все трое - со мной.

Плюс Хорь, плюс Валя, плюс Митрич - которые помогают частями, не видя всей картины, но помогают реально.

В отделе я положил папку на стол Нечаева. Записал на обложке: «От ст. лейтенанта Воронова. Для рассмотрения. С согласованием помощника прокурора Савельевой И.В.». Оставил.

Нечаев придёт к одиннадцати. Прочитает к часу. К двум - вызовет меня.

А пока - я сел за свой стол и начал работать текущие бумаги. Рутину, которую никто не отменял.

За окном шёл снег.

Глава 3

Папка лежала у Нечаева до двух часов.

Он вернулся с совещания в управлении к одиннадцати, зашёл в кабинет, увидел папку. Кивнул дежурному - «пусть заходит, когда прочитаю». Прочитал за два часа. Я это знал - потому что дежурный позвонил в одиннадцать пятнадцать: «Нечаев пришёл, видел папку». А в два ровно Маша-машинистка пришла ко мне наверх: «К Петру Семёновичу, срочно».

Я спустился.

Нечаев сидел за столом. Папка открыта, страницы перелистаны - видно было, что читал внимательно, карандашом ставил галочки на полях. Он поднял голову, когда я вошёл. Кивнул на стул.

- Садись.

Я сел.

Он смотрел на меня секунд пять молча. Лицо было непроницаемое - служебное. Нечаев умел так смотреть. Не злой, не добрый - никакой.

- Воронов, - сказал он. - Ты понимаешь, что ты принёс.

- Понимаю.

- Скажи.

- Возобновление дела семьдесят четвёртого года, закрытого по указанию сверху. С выходом на Громова и, возможно, на лиц, стоявших над ним.

Он помолчал.

- С согласованием Савельевой.

- Да.

- До меня.

- Да.

- Почему?

Я подумал.

- Потому что мне нужно было понимать, пойдёт ли прокуратура. Если бы вы прочитали первым и сказали «нет» - ваше «нет» было бы административным. Я хотел иметь за спиной её «да», прежде чем идти к вам.

Нечаев смотрел на меня долго.

- Это неправильно по субординации.

- Знаю.

- Но это правильно по существу.

Я промолчал.

Он откинулся на стуле. Закурил - редко у него, только в сложных разговорах. «Беломор». Я подумал ненароком - такая же пачка, как у Хоря.

- Семьдесят четвёртый год, - сказал Нечаев. - Я тогда был зам начальника. Дело Потапова закрывал Лапшин. Закрывал - под моим началом. Я визу ставил.

Я кивнул. Это было в папке.

- Ты хочешь знать, знал ли я, что подпись была ложью?

- Хочу.

Пауза.

- Знал, - сказал Нечаев. - Неполно. Но знал, что дело закрывают не потому, что это несчастный случай. А потому, что сверху сказали - закрывайте.

- Сверху - это кто?

- Позвонили из прокуратуры области. Областной прокурор сам звонил моему тогдашнему начальнику. Начальник передал Лапшину. Лапшин закрыл. Я подписал.

- Почему подписали?

Он посмотрел на меня.

- Потому что у меня было двое детей, беременная жена и карьера. И потому что я знал: если не подпишу, подпишет следующий, а меня - снимут. Ничего не изменится, только мне станет хуже.

- Понимаю.

- Не понимаешь. - Он погасил папиросу. - Ты молодой. У тебя нет детей. У тебя всё впереди. Ты можешь рисковать. Я в свои сорок семь - не могу так рисковать, как ты в двадцать шесть. У меня - те же двое детей, теперь уже подростки, и старший через два года в институт. Я считаю риски иначе.

Я смотрел на него. Он смотрел на меня.

- Но это не значит, - сказал он, - что я не хочу, чтобы это дело раскрылось.

- А значит что?

- Значит, что я его не возобновлю своим распоряжением. Но если прокуратура откроет - я не буду против. И буду помогать в пределах разумного. Негромко. Без резких движений.

Я кивнул.

- Хорошо.

- Савельева примет?

- Примет.

- Уверен?

- Уверен.

Нечаев снова закурил. Посмотрел в окно.

- Воронов.

- Да?

- Будь осторожен. Это не просто Громов. Это - выше. Там люди, которых я не знаю по именам, но про которых чувствую, что они есть. У тебя теперь будет меньше защиты, чем ты думаешь.

- Я знаю.

- Не знаешь. Но ладно. - Он повернулся ко мне. - Папку возьми. Неси в прокуратуру. Когда Савельева откроет производство - приходи, оформим следственные действия по линии отдела.

Я взял папку.

- Спасибо, Пётр Семёнович.

Он махнул рукой.

- Иди.

Я вышел.

В прокуратуре я был в три. Ирина приняла папку, зарегистрировала в журнале входящих как официальное сообщение от сотрудника угрозыска. Постановление о возбуждении производства она подпишет к концу недели - надо было ещё пройти по формальностям, согласовать с её руководителем.

- Рискованно, - сказала она, когда я выходил. - Но это уже не твой риск.

- Твой?

- Мой.

Я остановился у двери.

- Ира.

- Что?

- Если прижмут - скажи мне. Не одна.

Она посмотрела на меня.

- Скажу.

Я вышел.

В отделе я сел за свой стол. Горелов был на своём, писал. Посмотрел на меня, когда я вошёл.

- Принял?

- Принял. И Нечаев принял.

- Нечаев?

- Он знал в семьдесят четвёртом. Не полностью, но знал, что закрывают не по делу. Сейчас - сам возобновлять не будет, но мешать не будет.

Горелов кивнул.

- Это хорошо. Лучше, чем если бы мешал.

Он отложил ручку.

- У меня новости. По Лапшину.

- Рассказывайте.

- Я запрос отправил ещё в пятницу - по неофициальным каналам, через знакомого в Ростовском управлении. Сегодня пришёл ответ по телефону. Лапшин в Ростове, работает в охране строительного треста, уволился из милиции по собственному в семьдесят шестом, причина ухода в личном деле не указана. Живёт один, жена умерла в семьдесят восьмом, детей нет. Пьёт.

- Пьёт сильно?

- Средне. Работу не теряет, но вечерами - да.

- Связаться сможем?

- Знакомый сказал - если приедешь, организует встречу неофициально. В отдел вызывать нельзя - Лапшин сразу закроется. А в пивной - может быть.

- Когда ехать?

- Когда закончишь с Ленинградом. Сейчас - смысла нет, ты уедешь через три недели.

Я кивнул. Правильно.

- И ещё, - сказал Горелов. - По номеру машины. Я пробил через знакомого в ГАИ - серия «К» с завода "Красный металлург". В семьдесят четвёртом году на заводе было четыре «Волги» с этой серией. Две директорские и одна - Громова. Четвертая - зам директора по производству, Ставровский Николай Иванович.

- Где он?

- В Москве. Перевели в министерство в семьдесят шестом. Курирует отрасль. Полковник в запасе, связи.

Я присвистнул. Тихо, внутренне.

- Значит, одна из этих машин могла быть той ночью в лесу.

- Могла. Ставровский или Громов - самые вероятные. Директорские машины - это с водителями обычно. Две остальные директорские - один директор был в командировке в Харькове в те даты (проверил), второй - умер в семьдесят пятом, деталей не найдёшь.

- То есть: Громов или Ставровский.

- Да.

Я смотрел на Горелова. Он смотрел на меня.

- Это большое, - сказал я.

- Очень.

- Ставровский - министерство. До него не дотянуться.

- Пока - нет. Пока собираем материал. Если выйдем на конкретное - тогда посмотрим, до кого можно дотянуться.

Я кивнул.

- Хорошо. Спасибо, Горелов.

- Не за что.

Он вернулся к своей работе. Я сидел, смотрел на свою пустую страницу блокнота.

Ставровский Николай Иванович. Министерство. Полковник в запасе.

Это было выше, чем я предполагал. Выше, чем Громов. Возможно, это и было то, на что намекал Зимин, когда прислал вырезку.

Вечером я пошёл к Вале-почтальонше.

Пушкинская 17, первый этаж, квартира два. Я знал дорогу - был там неделю назад, когда познакомился. В руке - пачка «Индийского» кофе из заказа, который Митрич достал для меня через знакомую на базе.

Валя открыла сразу - как будто ждала.

- Воронов! - сказала она, будто увидела родственника. - Заходи, милок.

Я вошёл. Снял пальто, сапоги - в квартире было чисто, она стелила дорожки.

- Я ненадолго.

- Все так говорят. Потом - чай до ночи. Садись.

Я прошёл на кухню. Кот спал на том же стуле, что и в прошлый раз. Валя поставила чайник.

- Я тебе кое-что принёс, - сказал я. Достал из пакета кофе, положил на стол.

Она посмотрела. Взяла пачку. Понюхала сквозь упаковку.

- Ох, милок. Индийский. Настоящий.

- Настоящий.

- Я это не часто. Знаешь, мне подруга в Ленинграде привозит иногда - сестра моя, Аньку помнишь, я тебе про неё говорила. А здесь - не бывает. Тут только растворимый «Пеле», да и тот с очередью.

- Я знаю.

Она убрала пачку в буфет. Села.

- Зачем такие подарки?

- Я к вам с просьбой.

- Вижу, что с просьбой. Но ты - ты хороший, с тобой приятно. Даже если с просьбой. Что у тебя?

Я помолчал, собираясь. Потом сказал:

- В прошлый раз - я вас спрашивал про письма с Ленинграда. Вы упомянули фамилию отправителя - Гинзбург.

- Упомянула.

- Гинзбург - кому ещё писал на вашем участке? Кроме Осипа Марковича, пятая квартира?

Валя задумалась. Сидела, глядя в чашку, перебирала в памяти.

- Гинзбург, Гинзбург… - проговорила тихо. - Надо подумать. У меня память на фамилии хорошая, но не сразу - надо копаться.

Она молчала минуту. Я не торопил.

- Да, - сказала она наконец. - Был ещё один. Регулярно получал. Примерно год. Фельдман - фамилия получателя. Имя не помню. Жил не на моём участке, но у меня смена иногда перекрывалась с Петровной, соседним участком. Я за неё выходила, когда она болела. Тогда и видела.

- Где жил Фельдман?

- На Ленинском проспекте. Дом восемнадцать, кажется. Или двадцать. Точнее сказать - надо смотреть по карте, я не помню.

- Работал где?

- Преподавал в политехе. Это я знаю - потому что один раз случайно разговорилась с ним в подъезде. Тогда он сам мне сказал. Молодой, не старый. Лет тридцати пяти.

- Получал от Гинзбурга регулярно?

- Регулярно. Раз в две недели примерно. С семьдесят восьмого, может чуть раньше. Год или полтора.

- А потом?

- Потом - прекратилось. В этом году, летом. Примерно в июне. Я помню, потому что как раз в июне Петровна вышла с больничного, я перестала на её участок ходить. Но до этого - регулярно, а потом - ни одного.

Я записывал.

- Фельдман сейчас живёт там же?

- Не знаю. Я на том участке не хожу с июня. Можно у Петровны спросить.

- Спросите?

- Спрошу. Завтра, после работы.

- Спасибо.

Валя посмотрела на меня.

- А что это за Гинзбург, милок? В чём он нехороший?

Я подумал.

- Пока не знаю, - сказал я честно. - Возможно, ни в чём. Просто - регулярный отправитель из Ленинграда двум людям в нашем городе. Хочу понять, кто это такой и почему.

Она кивнула. Принимала.

- Хорошо. Спрошу у Петровны.

Чайник засвистел. Она заварила чай, достала варенье - вишнёвое, с косточками. Мы пили чай, разговаривали о разном. Про её сестру Аню в Ленинграде - «живёт в Василеостровском, работает в библиотеке, одна, дети уехали». Про соседей по дому - Семиглазовых, которые получают письма от сына. Про кота - «Барсик это, ему двенадцать, старше меня на дистанции».

- Старше вас?

- В кошачьих годах. Один год - семь наших. Ему двенадцать - значит, за восемьдесят. Старее меня.

Я улыбнулся. Барсик поднял голову, посмотрел на меня равнодушно, опустил.

- Валя.

- Что?

- Ещё вопрос. Не про Гинзбурга.

- Спрашивай.

- На вашем участке много кто получает переписку с другими городами? Ленинград, Москва, ещё куда?

Она задумалась.

- Ну, кто с кем. В основном - родственники. Семиглазовы - с сыном в Архангельске. Нюра из двенадцатой - с дочкой в Казани. Осип Маркович - вот он разнообразно, я тебе говорила. Фельдман был. Есть ещё учительница в четвёртом доме, Мария Петровна, она пишет подруге в Вильнюс - одна переписка уже лет двадцать, я знаю всё про них обеих, не встретив ни разу.

Она рассмеялась.

- Такая работа.

- Такая.

- А мужчин, которые переписываются с мужчинами в других городах регулярно - у вас кто?

Она подумала.

- Фельдман был. Осип Маркович - у него разные, но да, в основном мужчины. Ещё... - она задумалась. - Инженер один, Васильев с "Красного металлурга", он переписывался с кем-то из Горького. В семьдесят шестом, семьдесят седьмом. Потом перестало. Но это я помню смутно, можно не считать.

Я записал. Васильев, завод "Красный металлург", переписка из Горького, 1976–77. Не обязательно связано, но - пометил.

Мы ещё посидели. Я допил чай, встал.

- Пойду.

- Иди. Заходи ещё, милок. С кофе - с удовольствием. Без кофе - тоже с удовольствием, просто скажу «жадина».

Я улыбнулся.

- Постараюсь - с кофе.

На лестнице я записал в блокнот ещё две строки:

«Фельдман. Политех. Ленинский 18 или 20. Гинзбург писал с 78-го, прекратил в июне 79-го».

«Васильев, "Красный металлург". Горький, 76–77. Проверить».

Вторник и среда прошли в рутине.

Горелов и я работали по заявлению - хулиганство в общежитии швейной фабрики. Компания молодых парней из другого района приехала на танцы, подрались с местными. Одного из местных порезали - лёгкое ранение, но заявление подали. Мы допрашивали обе стороны по очереди - девушек, администрацию общежития, вахтёршу, которая всё видела.

К среде установили двоих приехавших, поехали к ним на квартиру - взяли одного, второй скрылся к родственникам в деревню. Мы оформили того, кто был, передали следователю. Второго - в розыск.

Обычное дело. Руки в этой работе - в глине и земле рутины. Пока я ворочал бумаги по хулиганам, в голове параллельно шли: Фельдман, Гинзбург, Ставровский, Лапшин, Ильин, Васильев. Список рос.

В четверг утром меня вызвал Нечаев.

Я поднялся. Он был один в кабинете - Маша вышла за чаем.

- Воронов. Садись.

Я сел.

- Есть запрос из Ленинграда. - Он протянул мне листок. - Управление ГУВД Ленинграда. Им нужен опер с опытом нестандартных дел - серия краж в музейной среде. Приглашают на командировку в порядке обмена опытом. Месяц, может, полтора.

Я посмотрел на листок. Формальное письмо - на бланке, с печатью. Приложена характеристика требуемого специалиста - молодой, до тридцати пяти, без семейных обязательств, готовый к длительной работе в Ленинграде.

- Странно - что именно ко мне?

- Они не к тебе. - Нечаев посмотрел на меня. - Запрос пришёл в управление области. Из области в отделы - по возможным кандидатурам. Мы предлагаем - тебя.

- Почему?

- Потому что у тебя дело Громова в послужном списке. Потому что ты молодой, без семьи, подходишь по формальным параметрам. И - потому что, честно говоря, ты сейчас копаешь Потапова, и тебе, возможно, в Ленинграде понадобятся кое-какие связи, которые мы местным оформить не можем.

Я смотрел на него.

- Вы это специально?

Нечаев пожал плечом.

- Запрос пришёл сам. Я мог предложить Горелова - ему полтора месяца в Ленинграде вредно, у него жена и дети. Я мог предложить Петрухина - он не справится. Я предложил тебя - по объективным причинам. А то, что тебе оно кстати - ну, оно кстати.

Я кивнул.

- Когда ехать?

- Пятнадцатого декабря. У тебя - три недели на закрытие текущих дел. Горелов возьмёт Потапова на время твоего отсутствия - я согласовал с ним вчера.

- Спасибо, Пётр Семёнович.

- Иди работай.

Я встал.

- Воронов.

- Да?

- В Ленинграде - осторожно. Другой город, другие правила. Не лезь, куда не просят. И - не забывай, что ты в командировке от нас. Любой твой ход там - отзовётся здесь.

- Понял.

Горелов узнал сразу - Нечаев уже с ним говорил накануне. Когда я вернулся в кабинет, он посмотрел и сказал:

- Значит, пятнадцатого.

- Пятнадцатого.

- Новый год там.

- Там.

Он покачал головой.

- Первый раз в Ленинграде?

- Первый.

- Тогда предупреждаю. Там - снобы. Краснозаводский опер для них - из деревни. Не играй в столичного, будь просто собой. Они это оценят больше.

- Понял.

- И - я на Потапова сяду, пока тебя нет. По Лапшину и Ставровскому - буду тихо двигать. Вернёшься - продолжим.

- Спасибо, Горелов.

- Да хватит меня благодарить. Мы же в одной команде теперь.

Он улыбнулся - редко у него. Я улыбнулся в ответ.

Вечером я пошёл к Ирине.

Не домой - в прокуратуру. У неё был поздний рабочий день. Я пришёл в шесть, она ещё сидела. Я постучал, вошёл. Она подняла голову.

- Алексей?

- Минуту есть?

- Есть. Садись.

Я сел.

- Меня отправляют в Ленинград. С пятнадцатого декабря. Месяц-полтора.

Она смотрела на меня. Положила ручку.

- Командировка?

- Серия краж в музеях. Запросили опера с опытом нестандартных дел.

- Тебя - специально.

- Формально - по соответствию параметрам. Фактически - да, специально.

Она подумала.

- Нечаев?

- Нечаев. Но и - возможно, выше. Не удивлюсь, если там есть рука, которая подставила мой запрос. Гинзбург - Фельдман - Ленинград. Всё сходится.

- Зимин?

- Возможно.

Она кивнула. Долго молчала. Смотрела на стопку дел перед собой - не на меня.

- Надолго?

- Месяц-полтора.

- Понятно.

Пауза.

- Ира.

- Что?

- Я тебя слышу.

Она подняла глаза.

- Что ты меня слышишь?

- Слышу, что тебе не нравится.

Она смотрела на меня. Долго. Потом сказала:

- Не нравится. Но - это глупо. Командировки бывают. Особенно у оперов. Я знала это, когда начала с тобой разговаривать.

- Не глупо.

- Что не глупо?

- То, что не нравится. Это - нормально.

Она слабо улыбнулась.

- Возвращайся, - сказала она. Просто, без интонации.

- Вернусь.

- Точно?

- Точно.

Мы помолчали. Она смотрела в окно - там уже было темно, горели фонари во дворе.

- Алексей.

- Что?

- Ты говорил в понедельник - если прижмут, сказать тебе. Пока ты здесь. А когда уедешь?

- Пиши. По почте - нельзя. По телефону - можно, но коротко. Лучше - через Горелова. Он будет на связи.

- Хорошо.

- И - Ира.

- Что?

- Ты можешь передумать по Потапову. Если тебя будут жать - имеешь право отступить. Я не обижусь.

Она посмотрела на меня.

- Не отступлю.

- Ира.

- Не отступлю, Алексей. Это моё решение. Я его уже приняла.

Я кивнул.

- Хорошо.

Она встала из-за стола, подошла ближе. Мы стояли в полуметре - в прокурорском кабинете, при включённой лампе, при открытой двери.

- Я буду ждать, - сказала она тихо. - Вот так - буду.

- Я буду возвращаться.

Она кивнула. Вернулась за стол.

- Иди. У меня ещё час работы.

Я вышел.

В пятницу вечером я сидел с Ниной Васильевной на кухне. Рассказал ей про командировку.

Она слушала. Помешивала суп - варила на выходные, наперёд.

- В Ленинград, - сказала она. - Надолго?

- До конца января примерно.

- Новый год там встретишь.

- Там.

Она помолчала.

- У меня в Ленинграде дочь.

- Знаю. Вы говорили когда-то, вскользь.

- Говорила. - Она отложила ложку. - Елена. Сорок три года. Научный сотрудник в Эрмитаже - по русской живописи восемнадцатого века. Замужем, двое детей. Муж - тоже искусствовед, в университете преподаёт.

- Она здесь бывает?

- Редко. Последний раз - на мои семьдесят, в прошлом году. До этого - за год. Звонит раз в две недели. Пишет письма - я храню.

Она встала, пошла в свою комнату. Вернулась с маленькой записной книжкой. Открыла, нашла страницу. Написала на отдельном листке адрес и телефон - аккуратным старым почерком, с закорючками.

- Вот. Если будет минута - передай ей привет. Скажи - от Нины. Не «от мамы» - от Нины. Так она поймёт.

- Почему «от Нины»?

Она посмотрела на меня.

- Она не любит слова «мама». Так было всегда, с детства. Я звала её Леночкой, она меня - Ниной. С пяти лет. Так у нас осталось.

- Хорошо. От Нины.

Она положила листок на стол передо мной. Я взял, посмотрел - адрес был на Петроградской стороне, улица Куйбышева.

- Она хорошая, Алёша. Просто - занятая. И - другая. Не как я. Не осуждай, если будет сухо.

- Не буду.

- Я тебе пирогов в дорогу испеку. В поезде кормят плохо - знаю, Петя всю жизнь ездил.

- Не надо, правда.

- Надо.

Я не стал спорить.

Мы молчали некоторое время. Потом она сказала:

- Алёша.

- Что?

- Не ищи там никаких ответов, которые тут не нашёл. Ленинград - красивый город. Но он - чужой город. Ответы - они всегда там, где ты есть.

Я посмотрел на неё. Она сказала это спокойно, глядя в суп, не на меня.

- Я не ищу ответов.

- Ищешь. Ты всегда ищешь. Я же вижу.

- Ну - может быть.

- Помни. Чужой город - не твой. Красота - не помощь. Помощь - здесь.

Я не стал отвечать. Сидел, смотрел, как она помешивает суп.

Ленинград. Гинзбург. Фельдман. Командировка, удобно совпавшая с моим делом. Елена Гавриловна, которая не любит слова «мама». Пироги в дорогу.

Слишком много всего - и всё сразу.

- Нина Васильевна.

- М?

- Спасибо.

- За что?

- За то, что видите.

Она посмотрела на меня.

- Это - ничего. Я - старая. Мне только и остаётся, что видеть. Ты - иди и работай.

Она снова помешала суп.

За окном опять шёл снег - после двух дней оттепели похолодало, и шёл снег. Декабрь приближался, уже дышал - через неделю первый день.

Я сидел на кухне с Ниной Васильевной и думал, что моя первая зима здесь теперь будет ленинградская. Большой, пышный, имперский город, который я в той жизни видел пару раз - по службе, в двухтысячных.

Сейчас он был другой. Восемьдесят первый год после революции. Третий год до Олимпиады. Полгода до Афгана - которого они ещё не знают, но я знаю.

Я закрыл глаза на секунду. Потом открыл.

- Ещё суп будет готов минут через двадцать, - сказала Нина Васильевна. - Подождёшь?

- Подожду.

- Пока - чай?

- Чай.

Она поставила чайник. Я сидел, смотрел в окно.

Снег шёл.

Глава 4

Три недели до отъезда - это много и мало одновременно.

Я начал считать дни в субботу первого декабря. До поезда - ровно две недели. Странно - в обычной жизни две недели проходят, не оставляя следа. Здесь - каждый день был отдельным, со своими делами, лицами, разговорами.

Понедельник третьего декабря я начал с того, что закрывал то, что мог закрыть. Хулиганов из общежития - оба в итоге пойманы, второй сам пришёл с повинной к участковому, испугавшись ареста родственников в деревне. Дело в прокуратуру. Кражу на Кировой - оформили окончательно, грузчик признался во всех эпизодах. Мелкая жалоба от завода на спирт - передал Горелову, сам не успевал.

Во вторник на планёрке Нечаев официально объявил о моей командировке. Петрухин усмехнулся:

- В Ленинград. Поднимается лейтенант.

- На месяц, - сказал я.

- В Ленинграде остаются и не на месяц.

Это было полуподколка-полузависть. Я не ответил. Горелов посмотрел на Петрухина и сказал:

- Степан, твоё хулиганство в овощебазе ещё не закрыто. Ты бы лучше ходил, а не комментировал.

Петрухин что-то пробурчал. Планёрка пошла дальше.

После планёрки Горелов сказал мне:

- Не обращай внимания. Он завидует. Его в командировку не звали никогда.

- Я не обращаю.

- Хорошо.

В среду пятого декабря я зашёл к Митричу. Не по делу - просто.

Он сидел в каморке, топил печку. Чай у него уже был заварен - я попал на его перерыв.

- Воронов, - сказал он. - Слышал, уезжаешь.

- Слышал быстро.

- А как же. Город маленький.

Я сел. Он налил чай.

- Посоветовать что-нибудь хочешь? - спросил он.

- Скорее - попрощаться на полтора месяца.

- Прощаться - это до могилы. Ты в Ленинград едешь, не помирать.

- Хорошо. Не прощаться. Сказать «до свидания».

- Это другое дело.

Он отпил чай. Помолчал.

- Воронов. Ты в Ленинграде поосторожнее.

- Все говорят.

- Все правильно говорят. Слушай.

- Слушаю.

- Я там был два раза в жизни. В первый раз - после войны, в сорок шестом. Привёз сослуживца - он умирал, я его вёз умирать к матери. Дотащил. Жил ещё неделю, потом умер. Тогда я Ленинград не видел - видел только дорогу, мать его, вокзал и обратно.

- А второй?

- В шестидесятом. Тоже коротко. Меня послали по линии профсоюза, на конференцию. Три дня. Я там увидел кое-что - тебе пригодится.

- Что?

Митрич поставил кружку.

- Ленинградцы - особый народ. Они тебя сначала будут проверять. Не словами - взглядом, отношением. Ходить кругом. Смотреть, как ты ешь, как говоришь, как несёшь себя. Это у них не от снобизма - это от блокады.

- Блокады?

- Да. У них в каждой семье - свой блокадный опыт. Кто-то умер, кто-то выжил, кто-то спасал. Это поколение - они проверяют людей. Кто свой, кто чужой. Кто выдержит, кто сломается. Это в них въелось так глубоко, что они уже сами не замечают.

- А молодые?

- Молодые - наследуют. Через родителей. Через атмосферу города. Это чувствуется.

Я кивнул. Принял.

- Ещё одно. - Митрич закурил. - Ты там будешь работать с местными ментами. Они - другая школа. Жёстче, циничнее. Они в день видят больше, чем ты в нашем городе за месяц. У них всё быстрее, грубее, голее. Не пугайся - это не значит, что они хуже. Просто такая работа.

- Понимаю.

- И - последнее. Ты меня слышишь?

- Слышу.

- Не все, кто там тебе будет помогать, - будут чисто помогать. Кое-кто - будет вести. По своим целям. Ты молодой, можешь не отличить. Старайся отличать.

Я смотрел на него.

- Митрич.

- Что?

- Вы говорите так, будто знаете, что меня ждёт.

- Я не знаю. Я знаю только тип города и тип работы. Остальное - твоё.

Он погасил папиросу.

- Иди, опоздаешь.

В четверг я пошёл к Хорю.

Принёс две пачки «Беломора» и бутылку портвейна - он, я знал из разговоров, иногда вечерами выпивал, не сильно, по чуть-чуть. Не выпивон, а ритуал.

Хорь посмотрел на бутылку. Потом на меня.

- Что-то случилось?

- Уезжаю на полтора месяца. В Ленинград. С пятнадцатого.

- А.

Он взял бутылку, поставил на полку. Сигареты - в карман.

- Садись.

Я сел на табурет. Ковпак поднял голову, посмотрел, опустил.

- На сколько?

- До конца января, скорее всего.

- Долго.

- Да.

Хорь молчал. Налил себе чай. Мне - тоже, не спрашивая.

- Воронов. Я тебе помогу одной вещью.

- Какой?

- Ленинград - другой мир. У них там блатные - свои, не как у нас. Жёстче, организованнее. Кодексы старые держат, особенно старики. Если попадёшь в ситуацию - нужно знать, к кому.

- И?

- Есть человек. Колун. Старый блатной, пятидесяти семи лет. Сидел много, последний раз - выпустили в семьдесят пятом. Сейчас живёт на Лиговке. Не работает официально, но

не тунеядствует - у него есть способы. Авторитет в среде. Если тебе придётся туда соваться - иди к нему.

- Как найти?

- Адреса не знаю. Спроси на Лиговке у кого попало - старики знают. Скажешь - «от Хоря с Краснозаводска». Он поймёт. Мы с ним сидели в шестьдесят восьмом, в Усть-Илимске.

- А я что ему скажу?

- Скажешь - что тебе нужно. Прямо. Колун не любит долгих разговоров. Скажи, что ты опер, что у тебя дело, что не лезешь в их кухню - нужна точечная помощь. Объяснишь конкретно. Он либо поможет, либо откажет. Если откажет - без обиды. Не торгуйся.

- Понял.

- И ещё. - Хорь посмотрел на меня. - Ты ему скажешь обо мне. О том, что я тебя послал. Он - должник. Я в Усть-Илимске ему один раз помог в драке, серьёзно. Он это помнит. Если скажешь от меня - это вес.

Я кивнул. Записал в блокнот: «Колун, Лиговка, от Хоря, Усть-Илимск 68».

- Спасибо.

- Не за что.

Хорь смотрел в окно. Помолчал.

- И ещё, Воронов. - Голос у него стал суше. - Ты там - смотри. У тебя дело пошло большое. Я не лезу, не спрашиваю. Но если ты в Ленинграде ввяжешься во что-то по своей линии - будь осторожен с людьми. Любой, кто тебе помогает, - может быть подставлен. У вас, ментов, это редкость, у нас - норма. Привыкай.

- Привыкаю уже.

- Хорошо.

Он встал, пошёл к печке, подкинул полено. Вернулся.

- Вернёшься - заходи.

- Зайду.

- И «Беломор» приноси. Я к нему привык.

- Принесу.

Я вышел на улицу. Снег сыпал крупный, медленный. На станции гудел тепловоз, вдалеке. Я шёл и думал: Колун. Лиговка. Если в Ленинграде придётся выйти на уголовный мир - это вес. Хорь дал мне нечто, что он сам не имел при выезде в Ленинград - введение.

В пятницу седьмого декабря я зашёл к Вале.

Она ждала - я предупредил. Открыла, в фартуке, с покрасневшими руками - пекла что-то.

- Воронов, заходи. Пироги делаю - с капустой и с яблоками. Тебе с собой положу.

- Не надо, Валя.

- Надо. Я уже договорилась с Ниной Васильевной - она тоже печёт. Она своё, я своё. Тебе - на двоих.

Я улыбнулся. Они уже договорились.

На кухне пахло выпечкой и сладким - печёные яблоки. Тесто на доске.

- Я к Петровне зашла, - сказала Валя, не отрываясь от теста. - Спросила про Фельдмана.

- И?

- Уехал. В сентябре.

- Куда?

- Не знает точно. Кто-то говорил - в Ленинград. Кто-то - что в Москву. Квартиру он не продал, числится в ЖЭКе, но фактически - съехал. Соседи говорят - вещи вывез летом, в августе. Дверь закрыл.

- Семейный? Один?

- Один. Жил один. Холостой, или разведённый - не знаю.

Я записал. Фельдман уехал в августе. Гинзбург перестал писать в июне. Между этими событиями - два месяца.

- Спасибо, Валя.

- Это всё.

- Уже много.

Она посмотрела на меня.

- Воронов.

- Да?

- Ты меня не используй.

Я поднял глаза. Она смотрела серьёзно - без улыбки.

- Я не использую.

- Я знаю. - Она кивнула. - Но скажу всё равно. Я тебе помогаю не потому, что должна. И не потому, что ты приносишь кофе. Я тебе помогаю, потому что вижу - ты делаешь что-то нужное. Если бы я видела, что нет, - я бы тебя в дом не пустила. Кофе или нет.

- Понял.

- И ещё - если что-то будет такое, что мне опасно, - ты мне скажешь. До того, как ввязать. Я не хочу узнавать про опасность задним числом. Понял?

- Понял.

- Тогда хорошо.

Она вернулась к тесту. Я сидел, смотрел, как она работает. Тесто было мягкое - она его раскатывала легко, движениями, отработанными десятилетиями. Барсик спал на стуле - как всегда.

- Сестре в Ленинграде, - сказала она через минуту. - Тебе адрес дать?

- Дайте.

Она вытерла руки, нашла листок. Записала. Имя - Анна Серафимовна, фамилия Костычева. Адрес на Васильевском, шестая линия.

- Передай ей привет от Вали. Скажи, что я жива. Что Барсик жив. Что зима ранняя, а сама держусь.

- Передам.

- Если будет трудно с кем-то говорить - звони ей. Она поможет, если в её силах. Старая, шестьдесят пять, но соображает.

- Спасибо.

Она кивнула. Я взял листок, положил в блокнот.

Третий человек, который посылает меня в Ленинград с весточкой. Митрич - нет, у него никого там не было. Хорь - Колун. Валя - сестра. Нина Васильевна - дочь.

Я начал думать - что-то странное в этом совпадении. Половина людей, которым я мало-помалу доверяю, имеют ленинградские связи. Это могло быть случайностью. Или - нет.

В выходные я закрывал быт.

Митрич договорился со своим знакомым на рынке - Семёнычем, тем самым, через которого сапоги. Тот достал зимнюю шапку - нормальную, ушанку из кролика. У меня была шапка-таблетка от милицейской формы, но в Ленинграде ходить полтора месяца в служебной шапке - мало того что неудобно, ещё и вроде как засветка. Кролик был тёплый, плотный, в раз носуши закрывал.

Купил перчатки - кожаные, на меху. Купил шарф - серый, простой. Свитер у меня был, тёплое нижнее - было.

Чемодан - тоже принёс Семёныч, не новый, но крепкий. С металлическими углами. «Фибровый, - сказал, - переживёт всех нас». Я его взял.

Нина Васильевна сидела на кухне с кучкой ткани. Вязала из шерсти что-то.

- Что вязете? - спросил я.

- Носки. Тебе. Шерстяные. Потолще.

- У меня есть.

- Не такие. У тебя - ходовые. Это - спать. В гостинице холодно бывает. Особенно на ленинградских вокзалах не ноги, а льдины.

Я не стал спорить. Сел за стол.

- Нина Васильевна.

- Что?

- Вы много думали про Ленинград?

Она не подняла глаз от вязания.

- Думала. Я там не была лет десять. Сейчас, наверное, изменилось. Город меняется быстро - даже когда снаружи всё то же.

- Какой он был тогда?

- Холодный. - Она задумалась. - Не от погоды. От города. Большой, прямой, серый. Красивый - да, очень. Но не уютный. Не как наш.

- А ваш - какой?

Она посмотрела на меня. Усмехнулась.

- Ты живёшь здесь четвёртый месяц и спрашиваешь меня?

- Любопытно ваше определение.

- Краснозаводск - он живой, но нескладный. У него ничего нет правильного - ни планировки, ни стиля, ни архитектуры. Но люди в нём - настоящие. Не модные. Простые. Вот и весь Краснозаводск.

- А Ленинград?

- Ленинград - наоборот. Снаружи всё правильно, внутри - холодно. Не плохо, не зло. Просто - на расстоянии.

Я кивнул. Она вернулась к носкам.

- Алёша.

- Что?

- Ты привезёшь мне фотографию Лены?

- Фотографию?

- Если у неё есть на руках. Просто - какую-нибудь. Я её последний раз видела в прошлом году. С ней рядом не была три года. Хочется увидеть.

- Привезу.

- Спасибо.

В воскресенье девятого декабря я пошёл к Ирине.

Не знаю, почему именно в этот день. Может быть, потому что других выходных оставалось не так много. Она была дома - в свитере, с распущенными волосами, без всякого делового. Открыла, увидела меня, отступила.

- Заходи.

Я вошёл. Снял пальто, сапоги.

- Я ненадолго, - сказал я. - Просто зашёл.

- Хорошо.

Она пошла на кухню. Я за ней.

Она поставила чайник. Я сел. Мы молчали - не от напряжения, просто так.

- Ира.

- Что?

- Я уезжаю в эту субботу.

- Знаю.

- Я хотел тебе сказать. Не там, не в прокуратуре. Здесь, у тебя.

Она посмотрела на меня.

- Что сказать?

Я подумал. Сказал то, что было.

- Что - спасибо. За то, что приняла Потапова. За то, что ждёшь.

Она молчала.

- Это мало или много - не знаю. Просто хотел сказать.

- Не мало.

Она поставила чашки. Села напротив.

- Алексей.

- Да?

- Когда вернёшься - придёшь?

- Приду.

- Просто так? Не по делу?

Я смотрел на неё.

- Просто так.

Она кивнула. Тихо.

Мы пили чай. Говорили о другом - о её матери в Сочи, о том, что она хотела бы туда поехать летом. О книгах, которые она читала. О том, что в декабре в Ленинграде темно - почти круглые сутки.

- Ты привыкнешь к темноте? - спросила она.

- Я привык к разному.

- Это не ответ.

- Это правда. Я не знаю, привыкну или нет. Постараюсь.

Она кивнула.

К девяти я встал. Она проводила до двери.

- До субботы ещё увидимся? - спросил я.

- В пятницу. Подпишу постановление по Потапову окончательно. Ты должен быть.

- Хорошо.

Она стояла в дверях. Я смотрел на неё. Хотел подойти, обнять - но не подошёл. Не сейчас. Не на пороге, второпях, когда я уезжаю на полтора месяца.

- До пятницы, - сказал я.

- До пятницы.

Я вышел.

В понедельник - в среду я работал интенсивно. Сдавал текущие папки Горелову. Объяснял, что и как. По Потапову - особенно подробно. Все мои зацепки, имена, связи - я разворачивал перед ним, как карту.

- Лапшин, - сказал я. - Ставровский. Ильин - умер, но проверить, действительно ли инфаркт. Васильев - переписка с Горьким семьдесят шестого, проверить, кому писал. Горбатый - никаких официальных вызовов, помнишь.

- Помню.

- И - Хорь. Если что нужно по уголовной линии - сам сходи. Возьми «Беломор», скажи, что от меня. Он поможет.

- Хорошо.

- И Валя-почтальонша. Если что-то по почтовой линии - она тоже от меня. Можно зайти.

- Знаю Валю. Она моей жене двоюродная тётка по мужу.

Я посмотрел на него.

- Серьёзно?

- Серьёзно. Краснозаводск маленький, я тебе говорил.

Я усмехнулся.

- Ты её через меня не открыл, значит. Она тебя сама знала.

- Знала. Просто не вмешивалась - пока тебе она была нужнее, чем мне. Она правильная, Воронов. Цени.

- Ценю.

В четверг тринадцатого Нечаев устроил короткое совещание - со мной, Гореловым и Петрухиным. Финальный инструктаж.

- Воронов, - сказал он. - Ленинград - Управление ГУВД, Литейный проспект. Ты подчиняешься майору Савицкому, начальнику отдела по нестандартным делам. Связь со мной - раз в неделю по телефону. Если что-то срочное - телеграмма. Срок командировки - до десятого января, с возможным продлением до двадцать пятого.

- Принял.

- Документы я тебе подготовил. Командировочное удостоверение, справка по характеру задания, подъёмные - сто пятьдесят рублей. Гостиница «Октябрьская», номер за тобой забронирован. Билет в кармане. Поезд номер шесть, отправление в восемнадцать ноль-ноль с нашего вокзала пятнадцатого декабря. Прибытие на Московский вокзал Ленинграда в одиннадцать пятьдесят шестнадцатого декабря.

- Понял.

- Горелов, ты - ответственный по связи. Все запросы Воронова из Ленинграда - через тебя.

- Принято.

- Петрухин - на тебя ложится текучка из его дел. Хулиганство в овощебазе закрой за неделю до Нового года. Магазин на Кировой - следить, чтобы не повторилось.

- Понял, - сказал Петрухин кисло. На него падало больше работы.

- Всё. Свободны.

Мы вышли. Горелов посмотрел на меня:

- Готов?

- Готов.

- Тогда завтра - последний день. Пятница. И - поехал.

- Поехал.

В пятницу четырнадцатого я был в прокуратуре в десять. Ирина встретила в своём кабинете - в строгом платье, с папкой передо мной.

- Постановление. Подписано вчера прокурором. С сегодняшнего числа дело Потапова Алексея Ильича возобновлено, мне поручено как помощнику прокурора. Тебе - оперативное сопровождение.

Я взял папку. В ней - постановление о возобновлении, с подписью прокурора района и печатью. С завтрашнего дня - документ обретал юридическую силу.

- Спасибо.

- Это твоё спасибо, не моё.

- И моё тоже.

Она кивнула.

- Алексей, у тебя ещё есть полчаса?

- Есть.

- Зайди ко мне в шесть. Вечером. Перед поездом.

- Поезд в шесть.

- А, верно. Тогда - в час, на обед. Пойдём в столовую.

- Хорошо.

В час мы пошли в столовую - небольшую, при здании прокуратуры, для своих. Взяли борщ, котлеты с пюре. Сели в углу.

- Алексей.

- Что?

- Я не хочу, чтобы ты прощался со мной так, будто на войну.

Я улыбнулся.

- Я не прощаюсь так.

- Хорошо. Но и я не прощаюсь так. Я просто - буду здесь. Когда вернёшься, я буду здесь. Это всё.

- Это много.

- Не много. Это - нормально.

Мы ели. Молчали.

- Ира.

- М?

- Если будет совсем плохо с Потаповым - отступи. Я серьёзно.

- Я тебе вчера сказала. Не отступлю.

- Тогда - будь осторожна.

- Буду.

Мы доели. Она встала. Я тоже.

- Ну, до января, - сказала она.

- До января.

Мы стояли у двери столовой. Она протянула руку - я взял её. Подержал секунду. Отпустил.

- До свидания, Алексей.

- До свидания, Ира.

Она ушла.

Вечером в пятницу я зашёл к Горелову. Не в отдел - домой.

Он жил в пятиэтажке на улице Гагарина, в двушке. Аня открыла, впустила. Дети - Мишка с книгой, Танька с куклой - посмотрели на меня и кивнули. Они меня знали - я бывал здесь несколько раз летом, после Громова.

- Ужинать будешь? - спросила Аня.

- Я ненадолго. Заглянул проститься.

- Обижусь, если уйдёшь без ужина.

Я остался. Аня поставила на стол пельмени - настоящие, налепленные с утра. Капуста, солёные огурцы, водка. Горелов налил по рюмке.

- За дорогу, - сказал он.

- За дорогу.

Мы выпили. Дети ели молча, потом ушли смотреть телевизор в комнату.

- Алёша, - сказала Аня. - Ты там осторожно.

- Все говорят.

- Все правильно говорят.

Она вышла из кухни - что-то делать с детьми. Мы остались с Гореловым вдвоём.

- Юра.

- М?

- Если со мной что-то случится - посмотри после, чтобы тетрадь под матрасом у Нины Васильевны не пропала.

Он посмотрел на меня. Долго.

- Что в тетради?

- Записи. Для меня. Мои. Если что - там.

- Понял.

- И - Ирину. Подержи в курсе. По Потапову. И вообще.

- Подержу.

- И Нину Васильевну - навести разок-другой за это время. Просто так. Она будет рада.

- Алёша, - сказал Горелов. - Ты сейчас говоришь, как человек, который не уверен, что вернётся.

Я подумал.

- Я уверен, что вернусь. Просто - на всякий случай.

- На всякий случай - ладно. Договорились.

Мы ещё посидели. Допили чай. Я встал.

- Юра, спасибо. За всё.

- Иди уже. - Он улыбнулся. - Послезавтра уже будешь в Ленинграде завтракать.

Я обнял его - коротко, по-мужски, неловко. Он похлопал меня по спине. Аня вышла из коридора, обняла тоже, тихо сказала:

- Возвращайся.

- Вернусь.

В субботу пятнадцатого декабря я проснулся в пять.

Поезд в шесть. Я собрал чемодан с вечера - оставались мелочи. Пироги Нины Васильевны и Вали - в отдельной сумке, в платках. Носки, шапка, перчатки, шарф. Бельё, бритва, зубная паста. Книгу - взял ту самую, которую Нина дала мне летом, Чехова. Перечитать.

В коридоре включил свет - тихо, чтобы не разбудить Геннадия. Зашёл на кухню - она уже горела.

Нина Васильевна сидела за столом. В халате, с чашкой чая. Не спала. Ждала меня.

- Не ложились?

- Спала. Встала к тебе.

Я сел. Она налила чай. Хлеб с маслом и вареньем - стояло на столе.

- Не хочу есть.

- Поешь. Дорога долгая.

Я поел. Молча. Она тоже.

- Алёша.

- Да?

- Я не буду провожать на вокзале.

- Я и не звал.

- Знаю. Но всё равно скажу. Я не люблю вокзалы. Особенно зимой.

- Понимаю.

Она встала, пошла в свою комнату. Вернулась с маленькой иконкой - Николая Чудотворца, на дереве, потёртая, тёмная.

- Возьми.

- Нина Васильевна, я...

- Не споришь. Возьми. Это не моё - это Петину. Он с ней войну прошёл. Я её хранила. Тебе - на дорогу.

Я взял. Маленькая, тёплая на ощупь.

- Назад принесёшь, когда вернёшься.

- Принесу.

Она кивнула. Села.

- Иди.

- Сейчас.

- Иди, иди. Тебе ещё пешком до вокзала. И - холодно.

Я встал. Подошёл к ней. Стоял секунду - не знал, как. Потом наклонился, поцеловал её в седые волосы - над виском.

Она не двинулась. Только закрыла глаза.

- До января, - сказал я.

- До января, Алёша. Береги себя.

Я взял чемодан, сумку с пирогами. Вышел.

На улице было темно. Шесть минус. Снег лежал - выпал на той неделе, теперь утоптан.

Я шёл к вокзалу пешком - двадцать минут. Нёс чемодан в правой, сумку в левой. На улицах было пусто - суббота, раннее утро. Только дворники где-то скребли.

Дошёл до вокзала. Тёплый зал ожидания, пара пассажиров на скамейках. Я сел, ждал.

Горелов появился без четверти шесть. В форме - он тоже сегодня дежурил.

- Не опоздал?

- В самый раз.

Мы сидели. Молчали.

- Юр, - сказал я.

- Что?

- Спасибо.

- Хватит. Уже благодарил вчера.

- Ещё раз.

- Иди в свой Ленинград.

Объявили посадку. Поезд номер шесть, Краснозаводск - Ленинград, через Москву. Платформа третья.

Мы вышли на платформу. Поезд стоял - длинный, заснеженный, тёплый. Я нашёл свой вагон, шестой. Проводница - пожилая, в форме - посмотрела документы.

- Пройдёте.

Я зашёл в тамбур. Поставил чемодан.

- Юра.

- Что?

- Нет. Ничего.

- Иди.

Он стоял на платформе. Я стоял в тамбуре. Мы смотрели друг на друга секунду. Потом проводница махнула - поднимайся внутрь, дверь закрываю.

Я зашёл. Дверь закрылась.

В вагоне было тепло, пахло углём от титана и чьей-то едой. Я нашёл своё купе - четвёртое, нижняя полка. В купе сидели уже двое - пожилой мужчина в очках, с книгой, и молодая женщина с ребёнком лет четырёх. Я кивнул, занял своё место.

Поезд тронулся. Качнулся - раз, ещё раз, потом плавно пошёл.

Я смотрел в окно. Проплывала платформа - Горелов всё ещё стоял, поднял руку. Я поднял в ответ. Потом он остался позади.

Город уходил. Заводы, трубы, дым. Чёрные крыши, белые крыши. Двор моего дома где-то там - с Ниной Васильевной у окна, может быть, с её иконой. Прокуратура. Ирина в выходной у себя дома, ещё спит. Кабинет угро. Сторожка Хоря на товарной. Дом Вали с Барсиком на стуле. Каморка Митрича во дворе ЖЭКа.

Всё это уходило. Краснозаводск становился силуэтом. Потом и силуэт пропал - последняя труба завода скрылась за поворотом.

Я сел. В купе пожилой мужчина оторвался от книги.

- Далеко едете? - спросил он.

- До Ленинграда.

- Я - тоже. К сыну. Москвич, но женат на ленинградке, работает там в институте. Еду на месяц.

- Понятно.

- А вы зачем в Ленинград?

- По работе. Командировка.

- А по какой?

Я улыбнулся.

- По милиции.

Он кивнул. Не стал расспрашивать.

- Меня Лев Аронович, - сказал он. - Гольдштейн. А вас?

- Алексей.

- Очень приятно.

Он снова взялся за книгу. Я тоже достал свою - Чехова, рассказы. Открыл наугад - попал на «Студента».

«Погода вначале была хорошая, тихая. Кричали дрозды, и по соседству в болотах что-то живое жалобно гудело, точно дуло в пустую бутылку…»

Я начал читать. Поезд мерно покачивался. Колёса стучали - раз-два, раз-два. За окном проплывали снежные поля, чёрные перелески, редкие деревеньки с дымами над крышами.

До Ленинграда - восемнадцать часов. К утру - Ленинград.

Я закрыл книгу пальцем на странице. Посмотрел в окно.

Ехал.

Глава 5

Ленинград встретил меня туманом.

Не снегом - туманом. Серой плотной взвесью, в которой растворялись здания. Когда поезд подходил к Московскому вокзалу, я смотрел в окно и видел только обрывки - фонарь, кусок забора, краешек дома - всё остальное гасло в тумане ещё до того, как взгляд успевал зацепиться.

- Ленинградский туман, - сказал Лев Аронович, не отрываясь от книги. - Дома обычное дело. Не пугайтесь.

- Не пугаюсь.

- Привыкнете. Через день перестанете замечать.

Поезд замедлялся. По вагону пошла суета - пассажиры вставали, доставали чемоданы, надевали пальто. Проводница прошла, собирая бельё.

- Где вы остановились? - спросил Лев Аронович.

- «Октябрьская».

- Хорошая гостиница. Близко к вокзалу. - Он закрыл книгу, наконец. - Я записал вам мой телефон. Просто на всякий случай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.